

== ЧЕРНИГОВСКІЯ ==

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Годовая цѣна 4 р. 50 к. съ пересылкою.

№ 15.

Подписка принимается въ редакціи „Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій“, въ здавіи Черниговской Духовной Семинаріи.

1 Августа (годъ xxv). 1885 года.

Содержаніе: I. Высочайшія награды.—II. Распоряженія Высшаго Правительства.—III. Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—IV. Разныя извѣстія.—V. Объявленія.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, согласно удостоенію кавалерской думы, въ 3-й день февраля 1885 года, Высочайше соизволилъ на награжденіе нижеслѣдующихъ лицъ орденомъ св. Анны 3-й степени по статуту сего ордена:

За двѣнадцатилѣтнее сряду прохожденіе должностей благочинныхъ: города Сосницы, Покровской церкви, священникъ Стефанъ Виноградскій; сосницкаго уѣзда, церкви мѣстечка Александровки, священникъ Никололай Добрянскій.

II. РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 29 мая—4 іюня 1885 года, за № 1001, по вопросу о томъ, могутъ ли быть избираемы священно-церковно-служители членами воинскихъ присутствій.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 8 мая сего года за № 2191, съ циркулярнымъ отношеніемъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 5 апрѣля сего года за № 10, слѣдующаго содержания: вслѣдствіе возникшаго вопроса, могутъ ли священно-церковно-служители выбираться членами воинскаго присутствія, которыми дополняется составъ ихъ при дѣйствіи въ призывномъ участкѣ (ст. 84 устава), онъ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, согласно опредѣленія Святѣйшаго Синода и отзыва военнаго министра, счелъ нужнымъ разъяснить, что такъ какъ возлагаемыя, по ст. 90 уст. о воин. пов., на уѣздныя и городскія присутствія по воинской повинности занятія не имѣютъ отношенія къ обязанностямъ священнаго сана и пастырскаго служенія, то, въ виду сего, священно-церковно-служители не должны быть избираемы въ означенныя присутствія ни членами отъ призывныхъ участковъ, ни кандидатами къ нимъ.

Справка: Въ 1883 г. 24 ноября за № 5877 г. синодальный Оберъ-Прокуроръ предложилъ Святѣйшему

Синоду, что министр внутренних дѣлъ просить отзыва по возбужденному вятскимъ губернаторомъ вопросу о томъ, могутъ ли священнослужители быть избираемы земскими собраніями въ уѣздныя по воинской повинности присутствія членами отъ призывныхъ участковъ и кандидатами къ этимъ членамъ. Святѣйшій Синодъ при разсмотрѣніи означеннаго вопроса принялъ въ соображеніе, что возлагаемая по ст. 90 уст. о воин. пов. изд. 1876 г. на уѣздныя и городскія присутствія по воинской повинности занятія не имѣютъ отношенія къ обязанностямъ священнаго сана и пастырскаго служенія. Вслѣдствіе сего, по опредѣленію 31 октября—25 января—12 февраля 1884—85 г., Святѣйшій Синодъ предоставилъ г. синодальному Оберъ-Прокурору сообщить министру внутренних дѣлъ, что, по мнѣнію Святѣйшаго Синода, священнослужители не должны быть избираемы въ уѣздныя по воинской повинности присутствія ни членами отъ призывныхъ участковъ, ни кандидатами къ нимъ, въ виду несоотвѣтствія занятій этихъ присутствій съ обязанностями священнаго сана. П р и к а з а л и: О содержаніи вышеизъясненнаго циркулярнаго отношенія управляющаго министерствомъ внутренних дѣлъ, статсъ-секретаря Дурново губернаторамъ по вопросу о томъ, могутъ ли быть избираемы священно-церковно-служители земскими собраніями на должности членовъ отъ призывныхъ участковъ въ уѣздныя по воинской повинности присутствія и кандидатами къ таковымъ

членамъ и объ оказавшемся по справкѣ напечатать въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“, передавъ для сего редакціи упомянутаго журнала выписку изъ настоящаго опредѣленія по принятому порядку.

Отъ 29-го мая—11-го іюня 1885 года за № 990, о взиманіи сбора при увеличеніи содержанія со всѣхъ лицъ, пользующихся правами государственной службы.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 3-го мая 1885 года № 5838, въ коемъ изъяснено: Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго 15-го мая 1876 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о взиманіи сбора при увеличеніи содержанія (законъ 9-го іюня 1873 г.) со всѣхъ лицъ, пользующихся правами государственной службы, изъ какого бы источника ни производилось имъ содержаніе журналомъ соединенныхъ департаментовъ государственной экономіи и законовъ, Высочайше утвержденнымъ 25-го декабря 1884 года, постановлено между прочимъ: Пунк. 2. За правильность поступленія сбора при увеличеніи содержанія по службѣ лицамъ, пользующимся правами государственной службы и получающимъ содержаніе изъ земскихъ сборовъ, суммъ государственнаго банка, городскихъ и общественныхъ доходовъ, или же изъ специальныхъ средствъ разныхъ вѣдомствъ, отвѣтствуютъ тѣ учрежденія, въ которыхъ

упомянутыя лица состоятъ на службѣ (п. II, прилож. къ ст. 619 Уст. о пошл., Св. зак. т. V, по прод 1876 г.). Пунк. 3. Означенныя выше учрежденія обязаны сообщать въ мѣстныя контрольныя палаты, въ срокъ и по формѣ, установленной государственнымъ контролемъ, полугодовыя отчетныя свѣдѣнія какъ о всѣхъ переменнахъ въ размѣрахъ содержанія состоящихъ въ нихъ на службѣ лицъ, пользующихся правами государственной службы, такъ и о произведенныхъ съ этихъ лицъ вычетахъ въ пользу казны. При обсужденіи способовъ исполненія приведеннаго Высочайшаго повелѣнія, государственный контроль прежде всего обратилъ вниманіе на то, что Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 15-го мая 1883 г., между прочимъ слагаются всѣ недоборы по указанное число въ сборѣ при увеличеніи содержанія, при чемъ тѣ удержанія, въ сборѣ, срокъ уплаты коихъ наступитъ послѣ 15-го мая 1883 г., подлежатъ взысканію. Такимъ образомъ, для повѣрки тѣхъ взносов, которые должны были состояться послѣ указаннаго срока, государственному контролю необходимо имѣть свѣдѣнія о переменнахъ въ личномъ составѣ управленій и въ окладахъ содержанія служащихъ съ правами государственной службы за нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе. Въ этихъ видахъ отчетность по означенному сбору должна начаться съ 1-го января 1883 года и съ этого срока помянутыя учрежденія должны доставлять въ учрежденія государственнаго контроля: 1) единовременно, въдомость, по прилагаемой формѣ, о переменнахъ какъ

въ личномъ составѣ служащихъ въ управленіи съ правами государственной службы, такъ и въ окладахъ ихъ содержанія, за время съ 1-го января 1883 года по 1-е января 1885 года, съ указаніемъ суммъ причитающихся казнѣ удержаній изъ содержанія, съ приложеніемъ копій съ постановленій объ опредѣленіи на службу или увеличеніи содержанія и подлинныхъ квитанцій казначействъ въ полученіи денегъ; 2) по истеченіи каждаго полугодія, начиная съ 1-го января 1885 года, не позднѣе 20-го числа слѣдующаго за отчетнымъ полугодіемъ мѣсяца, указанные въ п. 1 вѣдомость и документы. Сообщая о вышеизложенномъ, государственный контролеръ проситъ распоряженія о примѣненіи изложенныхъ правилъ отчетности по вѣдомству Святѣйшаго Синода. Приказали: Принимая во вниманіе, что служащія по духовному вѣдомству лица, а именно: а) въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, б) въ московской синодальной типографіи и в) въ грузино-имеретинской синодальной конторѣ и въ епархіальныхъ управленіяхъ грузинскаго экзархата, пользующіяся правами государственной службы, получаютъ содержаніе: первыя изъ духовно-учебнаго капитала, вторыя изъ типографскаго капитала и третьи изъ средствъ мѣстныхъ церковныхъ казначействъ, и что за правильностію поступленія сбора при увеличеніи содержанія таковымъ лицамъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 25-го декабря 1884 года, отвѣтствуютъ тѣ учрежденія, въ которыхъ лица сіи состоятъ на

службѣ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать по духовному вѣдомству, чтобы правленія духовно-учебныхъ заведеній, московская синодальная типографія грузино-имератинская синодальная контора и епархіальныя управленія грузинскаго экзархата: 1) по истеченіи каждаго полугодія, начиная съ 1-го января 1885 года, не позднѣе 20-го числа слѣдующаго за отчетнымъ полугодіемъ мѣсяца, сообщали въ мѣстныя контрольныя палаты, по прилагаемой при семъ формѣ, установленной государственнымъ контролемъ, полугодовыя отчетныя свѣдѣнія какъ о всѣхъ переѣмахъ въ размѣрахъ содержанія состоящихъ на службѣ лицъ, пользующихся правами государственной службы, такъ и о произведенныхъ съ этихъ лицъ вычетахъ въ пользу казны, съ приложеніемъ копій съ постановленій объ опредѣленіи на службу или увеличеніи содержанія и подлинныхъ квитанцій казначействъ въ полученіи денегъ и 2) кромѣ того единовременно въ мѣстныя контрольныя палаты доставили таковую же вѣдомость, съ вышеуказанными документами, за время съ 1-го января 1883 года по 1-е января 1885 года, при чемъ объяснить правленіямъ духовно-учебныхъ заведеній, что установленному закономъ 9-го іюня 1873 года вычету должны подвергаться все постоянныя выдачи по службѣ, какъ-то: жалованье, столовыя деньги, квартирныя, производящіяся по службѣ пенсіи и всякое, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, добавочное содержаніе, за исключеніемъ лишь, согла-

сно разъясненію министерства финансовъ, платы за дополнительные, сверхъ нормальнаго числа, уроки, какъ составляющей выдачу, могущую не только подвергаться измѣненію, но и совершенному прекращенію. Для надлежащаго исполненія по^{тѣмъ} духовному вѣдомству всего вышензложеннаго напечатать настоящее опредѣленіе, а также и сообщенную государственными контролеромъ форму отчетной вѣдомости въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, для чего и сообщить редакціи сего журнала по принятому порядку.

ВѢДОМОСТЬ

объ измѣненіяхъ какъ въ личномъ составѣ служащихъ въ NN городской управѣ и пользующихся правами государственной службы, такъ и въ окладахъ ихъ содержанія съ 1 января 1883 г. по 1 января 1885 г.

№ по порядку.	Наименованіе должностей и лицъ.	Обозначеніе перемѣны въ составѣ служащихъ или въ окладѣ содержанія.	Презвнй годовой окладъ.	Новый годовой окладъ.	Причитается удержанъ.	Удержано.	Перечень квитанцій казначейства въ полученіи денегъ.	Примѣчанія.
1	Городской секретарь, титулярный совѣтникъ (имя и фамилія).	Опредѣленъ на должность 20 мая 1883 г. Ему же увеличено содержаніе съ 1 января 1884 г. на 600 р.	—	2400	200	200	5 іюня, 10 іюля, 6 августа за №№ 101, 180 и 129. 6 февраля, 7 марта и 10 апрѣля за №№ 000.	Титулярный совѣтникъ (фамилія) опредѣленъ на должность секретаря изъ отвѣтки.
2	Докторъ городской больницы статскій совѣтникъ (имя и фамилія).	Опредѣленъ на должность 15 мая 1883 г.	2000	2600	150	150	10 іюня, 6 іюля и 2 августа за №№ 000.	Статскій совѣтникъ (фамилія) ранѣе служилъ въ медицинскомъ департаментѣ и получалъ 2000 руб.

Отъ 19-го—29-го іюня 1885 года, за № 1200, о взносахъ съ діаконовъ, не получающихъ казеннаго содержанія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 17-го мая сего года, за № 6300, о возстановленіи существовавшихъ до 1874 г. взносов въ составъ спеціальнаго сбора на пособія духовенству со всѣхъ діаконовъ, не получающихъ казеннаго содержанія, въ томъ числѣ и съ діаконовъ, состоящихъ на псаломщическихъ вакансіяхъ, въ размѣрѣ: съ городскихъ діаконовъ отъ 2 до 5 руб. и съ сельскихъ отъ 1—3 руб. въ годъ. Приказали: Принимая во вниманіе, что съ причтовъ, получающихъ содержаніе изъ казны, производится 2% вычетъ на пенсіи, что, въ соотвѣтствіе сему, установленъ въ 1866 году спеціальный сборъ съ причтовъ, не получающихъ казеннаго содержанія, для выдачи пособій заштатному городскому и сельскому духовенству, каковой сборъ нынѣ значительно сократился, что діаконы въ настоящее время возстановлены въ составѣ церковныхъ причтовъ и что на діаконовъ и вдовъ ихъ распространено съ 1880 года право на полученіе, за 35-тилѣтнюю епархіальную службу, установленныхъ пенсій, безъ отношенія къ тому, получали ли они во время служенія содержаніе изъ казны, или таковымъ не пользовались, Св. Синодъ находитъ справедливымъ привлечь ко взносамъ въ

спеціальний сборъ на воспособленіе духовенству, въ соотвѣтствіе съ діаконами, получающими казенное содержаніе и уплачивающими изъ онаго 2% въ пенсіонный кредитъ духовнаго вѣдомства, всѣхъ діаконѡвъ, которые не пользуются содержаніемъ отъ казны, безъ отношенія къ тому, будутъ ли они занимать штатныя діаконскія мѣста, или состоятъ на вакансіяхъ псаломщиковъ, такъ какъ всѣмъ діаконамъ предоставлено право на пенсію изъ казны, по прослуженіи 35 лѣтъ. Вслѣдствіе сего, Святѣйшій Синодъ, согласно заключенію Хозяйственнаго Управленія, опредѣляетъ: возстановить существовавшіе до 1874 года взносы въ составъ спеціальнаго сбора со всѣхъ діаконѡвъ, не получающихъ казеннаго содержанія, въ томъ числѣ и съ діаконѡвъ, состоящихъ на псаломщическихъ вакансіяхъ, установить размѣры этихъ взносов; для городскихъ діаконѡвъ отъ 2 руб. до 5 руб. и для сельскихъ отъ 1 до 3 руб. въ годъ, предоставивъ затѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ опредѣлить размѣръ этого сбора въ частности для діаконѡвъ каждаго изъ приходѡвъ ввѣренныхъ имъ епархій; о чемъ, для зависящихъ со стороны епархіальныхъ преосвященныхъ распоряженій, сообщить, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

III. РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Предложеніе, Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго
Веніамина Епископа Черниговскаго и Нѣжинскаго, Чер-
ниговской духовной консисторіи.

Для успѣшнѣйшаго и безостановочнаго движенія
дѣлъ въ епархіальномъ управленіи, признано нуж-
нымъ поручить Преосвященному Викарію Чернигов-
ской епархіи разсмотрѣніе и рѣшеніе слѣдующихъ
дѣлъ:

1) Замѣщеніе вакантныхъ псаломщицкихъ мѣстъ,
а также увольненіе псаломщиковъ за штатъ, по про-
шеніямъ;

2) Утвержденіе въ должностяхъ церковныхъ ста-
рость, председателей и членовъ приходскихъ попе-
чительства;

3) Утвержденіе священнослужителей, избираемыхъ
въ должности членовъ благочинническихъ совѣтовъ,
депутатовъ по дѣламъ училищнымъ и слѣдственнымъ;

4) Разсмотрѣніе вѣдомостей, представляемыхъ окру-
жными духовниками о бывшихъ и не бывшихъ у ис-
повѣди священно-церковно-служителяхъ;

5) Утвержденіе журналовъ консисторіи, согласно
331 ст. уст., за исключеніемъ указанныхъ въ ст. 327
устава и тѣхъ, по коимъ требуется сношеніе съ Г.
Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода и другими началь-
ствующими лицами и учрежденіями. Равнымъ обра-

зомъ представлять на мое утвержденіе тѣ журналы, кои по важности предмета, или по другимъ обстоятельствамъ, требуютъ особеннаго вниманія и осмотра;

6) Разрѣшеніе прошеній о вступленіи въ бракъ по несовершеннолѣтію и родству, въ предѣлахъ дозволенныхъ закономъ;

7) Протоколы, согласно 337 ст. уст., представлять на утвержденіе мнѣ, по предварительномъ просмотрѣ ихъ Преосвященнымъ Викаріемъ и по учиненіи имъ надписи о согласіи или не согласіи его съ изложеннымъ заключеніемъ консисторіи;

8) Утвержденіе журналовъ епархіальнаго попечительства;

9) Утвержденіе журналовъ окружныхъ духовныхъ училищъ, за исключеніемъ тѣхъ, кои касаются опредѣленія или увольненія должностныхъ лицъ училища и тѣхъ, по коимъ требуются сношенія съ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, или представленія Святѣйшему Синоду.

Къ исполненію сего предлагаю консисторіи сдѣлать надлежащее распоряженіе и заготовить по содержанию сего отъ моего имени отношеніе Преосвященному Викарію.

На подлинномъ: Веніаминъ, Епископъ Черниговскій.

Отношеніе Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 20 Іюня за № 7898 къ Его Преосвященству Преосвященнѣйшему Веніамину Епископу Черниговскому и Нѣжинскому.

Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода имѣя честь препроводить при семъ къ Вашему Преосвященству 300 экз. брошюры „Братское слово православному христіанину о святости церковнаго обряда“, весьма полезной къ предохраненію народа отъ молоканской, пашковекоевской и штундистской ересей, покорнѣйше просить о содѣйствіи къ распространенію оной, при-совокупляя, что въ случаѣ дальнѣйшей надобности въ этой брошюрѣ можно обращаться съ заказами въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ.

На семъ отношеніи послѣдовала резолюція Его Преосвященства: „30 Іюня 1885 г. Напечатать въ Епархіальныхъ Извѣстіяхъ съ рекомендаціею о выпискѣ. Консисторіи по полученіи экземпляровъ—„Братское слово“,—разослать таковыя благочиннымъ и въ монастыри.

Черниговская духовная консисторія слушала: отношеніе комитета Черниговскаго епархіальнаго свѣчнаго завода, который согласно журнальному постановленію епархіальнаго съѣзда оо. депутатовъ духовенства, отъ 24 Января 1885 г. за № 12, представивъ въ духовную

консисторію два списка № 1-й комисіонеровъ и церквей, за которыми числятся долги за отпущенныя имъ заводомъ свѣчи, неуплоченные за истеченіемъ, назначеннаго съѣздомъ оо. депутатовъ, срока; № 2-й должниковъ, состоящихъ въ долгу заводу по ссудѣ на проценты, -- просить распоряженія о немедленномъ взносѣ въ комитетъ свѣчнаго завода, означенными въ спискахъ № 1-й комисіонерами и церквями, денегъ за свѣчи, числящихся за ними въ долгу болѣе полгода, а также о возвратѣ церквями и частными лицами, обозначенными въ спискахъ № 2-й долговъ, сдѣланныхъ ими по ссудѣ денегъ изъ суммъ свѣчнаго завода. Приказали и Его Преосвященство 8 сего Іюля утвердилъ: Чрезъ припечатаніе въ епархіальныхъ Извѣстіяхъ, представленныхъ комитетомъ епархіальнаго свѣчнаго завода двухъ списковъ за № 1 и № 2-мъ, поставивъ въ извѣстность поименованныхъ въ оныхъ комисіонеровъ и прочихъ должниковъ, какъ за отпущенныя имъ заводомъ свѣчи, такъ и въ ссуду денегъ, предписать имъ озаботиться уплатою числящихся за ними долговъ названному комитету съ разсрочкою не далѣе 1 Сентября, въ противномъ случаѣ всѣ должники неуплатившіе своихъ долговъ послѣ означеннаго срока обязаны прислать въ комитетъ свѣчнаго завода объясненія, за надлежащимъ, по содержанію оныхъ, завѣреніемъ мѣстныхъ благочинныхъ, вмѣнивъ послѣднимъ въ обязанность настоять и наблюсти за исполненіемъ сего распоряженія.

№ 1-й.

Списокъ комисіонеровъ и церквей, состоящихъ въ долгу болѣе полгода Черниговскому епархіальному свѣчному заводу къ 1 Мая сего 1885 года, за отпущенныя свѣчи.

Священникъ Николай Гусаковскій 1672 р. 75 к; изъ нихъ 133 р. 76 к. съ 1 Августа 1883 г., 774 р. 99 к. съ 23 Февраля 1884 г. и 764 р. съ 3 Сентября 1884 г.

Священникъ Аркадій Левицкій 1016 р. 70 к. — съ 7 Мая 1884 г.

Священникъ Іоаннъ Барадулинъ 710 р. $\frac{1}{2}$ к. — 41 р. 20 $\frac{1}{2}$ к. съ 9 Марта 1884 г. и 68 р. 80 к. съ 13-го Юля 1884 г.

Священникъ Василій Городисскій 209 р. 67 $\frac{1}{2}$ к. — 103 р. 27 $\frac{1}{2}$ к. съ 17 Юня 1884 г. и 106 р. 40 к. съ 1 Сентября 1884 г.

Священникъ Семень Гуляницкій 11 р. — съ Декабря 1881 года.

Благочинный Павелъ Флеровъ 342 р. 60 к. — съ 6 Октября 1884 г.

Благочинный Василій Пиневиць 1200 р. — съ 20-го Октября 1884 г.

Благочинный Іоаннъ Обуховскій 811 р. — съ 18-го Октября 1884 г.

Священникъ Капитонъ Россинскій 55 р. 77 $\frac{1}{2}$ к. — съ 3 Ноября 1881 г.

Священникъ Павелъ Левицкій 3 р. 80 к. — съ 20-го Ноября 1880 г.

Священникъ Іоаннъ Постернаковъ 138 р. 42¹/₂ к. — съ 9 Апрѣля 1880 г.

Благочинный Адріанъ Доброгаевъ 480 р. — съ 11-го Августа 1884 г.

Благочинный Григорій Богословскій 833 р. 32¹/₂ к. — 101 р. 72¹/₂ к. съ 20 Августа 1883 г., 610 р. съ 28-го Августа 1884 г. и 121 р. 60 к. съ 17 Декабря 1884 г.

Благочинный Іоаннъ Николаевскій 801 р. 59¹/₂ к. — 481 р. 59¹/₂ к. съ 31 Декабря 1883 г., 320 р. съ 6-го Марта 1882 г. Приняты отъ свящ. Тросницкаго.

Священникъ Андрей Смѣльницкій 645 р. 10¹/₂ к. — съ 28 Августа 1884 г.

Священникъ Романъ Діаковскій 597 р. 80 к. — 111 р. 40 к. съ 5 Октября 1882 г. и 486 р. 40 к. съ 13-го Марта 1884 г.

Священникъ Евѣимій Горайнъ 252 р. 59 к. — съ 2 Июля 1881 г.

Священникъ Андрей Буримовъ 32 р. 82¹/₂ к. — съ 21 Марта 1884 г.

Покровская церковь с. Кудровки 68 р. 40 к. — 11 р. 40 к. съ 10 Декабря 1882 г. и 57 р. съ 5 Февраля 1883 года.

Христо-Рождественская церковь г. Борзны 95 р. — съ 16 Февраля 1883 г.

Села Жукини Остерскаго уѣзда 72 р. 90 к. — съ 20 Декабря 1883 г.

Николаевская церковь г. Чернигова 245 р. 5¹/₂ к. — 2 р. 52¹/₂ к. съ 24 Марта 1884 г., 43 р. 56 к. съ 5-го

Апрѣля 1884 г., 63 р. 90 к. съ 6 Мая 1884 г., 30 р. 40 к. съ 13 Сентября 1884 г., 104 р. 60 к. съ 4 Декабря 1884 г. и 7 к. съ 24 Декабря 1884 г.

Села Хриповки, Городницкаго уѣзда 60 р.—съ 7-го Марта 1883 г.

Села Богдановки 15 р. 60 к.—съ 14 Марта 1884 г.

Рождество-Богородничная церковь с. Новоселскъ 39 р. 60 к.—съ 11 Юня 1884 г.

Села Рубежнаго Новозыбковскаго уѣзда 27 р.—съ 2-го Сентября 1884 г.

Села Кучиновки Городницкаго уѣзда 20 р.—съ 10-го Сентября 1884 г.

Села Каменки Городницкаго уѣзда 47 р. 77¹/₂ к.—съ 2 Ноября 1884 г.

Села Андреевки 4 р. 90 к.—съ 19 Марта 1879 г.

Села Сиволожи Борзенскаго уѣзда 15 р.—съ 5 Сентября 1879 года.

Села Дымерки Остерскаго уѣзда 30 р.—съ 11 Юля 1880 года.

Троицкая церковь г. Городни 19 р. 80¹/₂ к.—съ 28-го Марта 1882 года.

Троицкая церковь м. Новыхъ-Млыновъ 4 р.—съ 8 Января 1880 г.

Преображенская церковь м. Ивангорода 50 к.—съ 14-го Февраля 1881 г.

Петро-Павловскій монастырь Глуховскаго уѣзда р. 10 к.—съ 19 Февраля 1881 г.

Села Хрѣновки Городницкаго уѣзда 23 р. 30 к.—съ 10 Января 1882 г.

Села Песокъ Борзенскаго уѣзда 12 р. 15 к.—съ 20-го Января 1882 г.

Священникъ г. Сосницы Бѣловскій 3 р. 5¹/₂ к.—съ 24 Февраля 1882 г.

Черниговское отдѣленіе свѣчнаго завода при Николаевской церкви 1322 р. 61 к.—167 р. 80 к. съ 11-го Октября 1882 г., 563 р. 40¹/₂ к. съ 17 Марта 1883 г., 560 р. 40¹/₂ к. съ 9 Апрѣля 1883 г. и 31 р. съ 17-го Февраля 1884 г.

№ 2-й.

Списокъ должниковъ, состоящихъ въ долгу Черниговскому свѣчному заводу, по ссудѣ денегъ выданныхъ изъ суммъ свѣчнаго завода.

Благовѣщенскій Нѣжинскій монастырь 1576 р. 21 к.—съ Іюля 1883 г.

Николаевская церковь г. Чернигова 800 р.— съ 30-го Ноября 1881 г.

Священникъ Гавріиль Лудановъ 500 р.— съ 30-го Апрѣля 1882 г.

Священникъ Николай Осмоловскій 262 р.— съ 13-го Апрѣля 1879 г.

Священникъ Василій Ячницкій 10 р.— съ 30 Октября 1883 года.

IV. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Вслѣдствіе донесенія мѣстнаго благочиннаго, священника Василія Рклицкаго, о пожертвованіи дворянкою Елисаветою Яковлевою Ковалевскою въ Покровскую церковь с. Погребокъ, Новгородсѣверскаго уѣзда, серебрянаго потира, съ позолотою, въ 90 р., и деньгами 25 руб., Его Преосвященство изъявляетъ г-жѣ Ковалевской свою благодарность за принесенную въ Храмъ Божій посильную жертву.

Псаломщикъ села Кулагъ, Суражскаго уѣзда Теодоръ Мещерскій, 23 Іюня, посвященъ въ стихарь.

— Священники: села Жихова Василій Андриевскій и села Желѣзнаго-Моста, Новгородсѣверскаго уѣзда, Михаилъ Маляровскій, согласно обоюдной просьбѣ, 28 Іюня, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Священническое мѣсто при Покровской церкви села Плехова, Черниговскаго уѣзда, 28 Іюня предоставлено слушавшему курсъ богословскихъ наукъ Черниговской духовной семинаріи начетчику Петру Пагодѣ.

— Псаломщикъ села Печенюгъ, Новгородсѣверскаго уѣзда, Стефанъ Виноградскій, 29 Іюня, рукоположенъ во діакона.

Псаломщики: села Замышева, Новозыбковскаго уѣзда, Иродіонъ Головокъ и села Высокоселища, Суражскаго

уѣзда, Гавріиль Головковъ, 1 Юля, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Окончившій курсъ Черниговской духовной семинаріи Теодоръ Борданосъ, 29 Іюня, рукоположень во священника къ Рождество-Богородичной церкви села Хибаловки, Нѣжинскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ наукъ Черниговской духовной семинаріи Николай Головинскій, 16 Іюня, рукоположень во священника къ Троицкой церкви села Даниловки, Сосницкаго уѣзда.

— Священникъ Покровской церкви села Краснаго-Става, Борзенскаго уѣзда, Петръ Михайловъ, 4 Юля, перемѣщенъ къ Евстафіевской церкви села Кротыни, Городницкаго уѣзда.

— Окончившему курсъ Черниговской духовной семинаріи Арсенію Лобановскому, 9 Юля, предоставлено священническое мѣсто при Покровской церкви мѣстечка Синявки, Сосницкаго уѣзда.

— Священникъ села Куковичъ Сосницкаго уѣзда, Константинъ Максимовичъ, 11 сего Юля, во время обзрѣнія Его Преосвященствомъ церкви с. Максаковъ, награжденъ набедренникомъ за образованіе при своей приходской церкви пѣвческаго хора изъ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.

Получены въ консисторіи деньги, на Палестину, отъ благочинныхъ: Имшенецкаго 6 р., Николаевскаго

3 р. 90 к., Рознатовскаго 1 р. 75 к., Вишневскаго 4 р.,
Бывалькевича 8 р. 60 к., Томашевскаго 4 р. 75 к.,
Дюмидова 5 р. 71 к., Крещановскаго 3 р., Левицкаго
3 р. 9 к. и за службу Кириллу и Меодію 91 к.,
Рылицкаго 2 р. 50 к. и игуменіи Смарагды 1 р.

Списокъ воспитанницъ Черниговскаго епархіальнаго жен-
скаго училища, за 1884—1885 учебный годъ.

6-го класса окончившихъ курсъ ученія съ обозначеніемъ
ихъ успѣховъ за весь шестилѣтній курсъ.

Виницкая Теофанія, Хандожинская Любовь, Созанов-
ская Елена, Чикилевская Наталія—успѣховъ отлично
хорошихъ 5.

Виноградская Леонила, Яновская Анастасія, Доб-
рогаева Александра, Нагорская Юлія, Неаронова Евдо-
кія, Прозорова Юлія, Еланская Леонила, Высоцкая
Олимпіада, Соколова Марія, Пясецкая Марія, Эллан-
ская Елена, Доброленская Екатерина, Лапчинская
Александра, Велигодская Гуліанія, Ромаскевичъ Ольга,
Лукашевичъ Ольга, Рембаловичъ Наталія, Ладухина
Анастасія, Омельяненко Олимпіада, Кистяковская На-
талія, Омельяненко Александра, Кистяковская Марія,
Александровская Анна, Величко Татьяна—успѣховъ
очень хорошихъ 4.

Корейша Евлалія, Иваницкая Ольга, Неаполитан-
ская Евгенія, Громаковская Елена, Громаковская Ольга,

Марачевская Апполинарія, Марачевская Марія, Крыжановская Елена—успѣховъ хорошихъ 3.

5-го класса:

Переводятся въ шестой классъ:

Награждаются, похвальными листами: Дмитревская Александра, Широконовичъ Олимпиада, Гаймановская Ольга—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Сахновская Марія, Померанцева Марія, Кибальчичъ Ольга—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Ольховая Дарія, Косменко Анна, Случевская Марія, Кушнеревская Софія, Марачевская Марія, Бабиць Александра, Оглоблинская Елена, Нагорская Неонилла, Нѣжинцева Клавдія, Златковская Вѣра, Давидовская Валентина, Крутикова Агрипина, Лашнюкова Неонилла, Лукашевичъ Ольга, Бѣльская Надежда, Сергѣева Анна, Рожановская Апполинарія, Бугаевская Анна, Чеботкевичъ Анна, Прокоповичъ Екатерина,—успѣховъ хорошихъ 3.

Назначаются къ передержкѣ экзамена:

Матвѣенко Ольга, Ромаскевичъ Параскева—по ариметикѣ, Захаріевская Марія, Ячницкая Евгенія—по сочиненію.

Къ экзамену:

Бугославская Ирина—по словесности.

Сербиновичъ Людмила, Рознатовская Анна—оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

4-го класса:

Переводятся въ пятый классъ:

Награждается листомъ: Пюнтковская Ольга—успѣховъ отличныхъ 5.

Награждаются листами: Ячницкая Любовь, Головачевская Ольга—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Соколова Любовь, Корсакевичъ Евдокія, Промышлова Дарія, Денловичъ Марія, Могилевецкая Ольга, Тросницкая Александра, Сербиновичъ Лидія, Корошкевичъ Варвара,—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Корсакевичъ Елисавета, Дмитревская Варвара, Раевская Варвара, Терналольская Евдокія, Деркачева Евдокія, Малинка Ольга, Цукровская Анастасія, Кожичъ Анна, Тросницкая Вѣра, Михайловская Пелагія, Облакевичъ Евфросинія, Вакуловская Евгения, Зосимовичъ Варвара, Марченко Агнія, Городиская Марія, Самбурская Марія, Корноухова Анастасія, Ковалевская Татьяна, Александровская Елена, Давидовичъ Анна, Гапонова Людмила, Мозолевская Елена, Боровская Наталья—успѣховъ хорошихъ 3.

Назначаются къ передержкѣ экзамена:

Чудновская Марія, Григоровская Марія—по ариѳметикѣ, Проценко Анна, Медвѣдева Марія, Нѣговская Раисса—по исторіи, Лыжина Марія—по русскому языку и географіи.

Къ экзамену по восьми предметамъ:

Ягодовская Наталія.

Кириловская Марія—оставляется въ томъ же классѣ по малоуспѣшности.

Величко Дарія, Дорошевская Домникія, Приходько Марія—увольняются изъ училища по неявкѣ въ теченіи всего года.

Квитницкая Марія—увольняется, какъ неуспѣвшая къ переходу въ высшій классъ въ теченіи двухъ лѣтъ.

3-го класса:

Переводятся въ четвертый классъ:

Награждаются похвальными листами: Элланская Александра I, Смирнова Пелагея, Лапнюкова Надежда, Кибальчичъ Марія, Барановская Ольга, Лапнюкова Клавдія, Виноградская Ольга, Шарая Матрона, Корсакевичъ Екатерина—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Элланская Александра II, Левитская Маргарита, Гапонова Марія, Филоновская Наталія, Бѣляева Вѣра, Котлярова Людмила, Раковская Елисавета, Чудновская Александра, Ярошевская Надежда—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Пучковская Анастасія, Горайнъ Лидія, Рожановская Александра, Терлецкая Юлія, Чикилевская Евгенія, Цыганкова Ольга, Давидовская Марія, Русановичъ Варавара, Рожановская Анна, Спановская Екатерина, Сахновская Марѳа, Случевская Анна, Ходоровская Алеб-

сандра, Цукровская Евгенія, Чудновская Елена, Свириденко Софія, Величковская Марія, Тичина Агафія, Дорогунцова Вѣра, Тищенко Анна, Тарасевичъ Софія, Трошановская Александра, Сѣткина Анастасія, Тычина Елена, Тарасевичъ Елисавета, Лавровская Варвара—успѣховъ хорошихъ 3.

Назначаются къ передержкѣ экзамена:

Зѣневичъ Марія—по ариѳметикѣ, Кудрявцева Серафима—по географіи, Грабовская Евдокія—по ариѳметикѣ.

Къ экзамену по закону Божію—Ягодовская Варвара.

2-го класса 1-го отдѣленія:

Переводятся въ третій классъ:

Награждается книгою и листомъ: Хандожинская Вѣра—успѣховъ отличныхъ 5.

Награждаются листами: Діаковская Анна, Доброгаева Марія—успѣховъ отличныхъ 5.

Награждаются листами: Матвѣевская Елена, Величко Марія—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Шіянова Марія, Виноградская Ольга—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Крачковская Дарія, Андріевская Анна, Соколова Екатерина, Селегинская Θεодосія, Громаковская Наталья, Громаковская Александра, Андріевская Дарія, Фіалковская Вѣра, Громаковская Марія, Рошинская

Александра, Зосиловичъ Вѣра, Томашевская Анна, Барановичъ Наталія, Виноградская Марія, Мартирова Антонина—успѣховъ хорошихъ 3.

Назначаются къ передержкѣ экзамена:

Златковская Анна, Скальковская Антонина, Любовичъ Марія, Бабасева Екатерина, Танская Марія, Вакуловская Ольга—по русскому языку, Разнатовская Неонилла, Матвѣевская Олимпіада, Малчанова Параскева—по ариѳметикѣ, Ромаскевичъ Татьяна—по географіи, Щуцкая Зинаида—по русскому языку и географіи.

Къ экзамену:

Корноухова Александрора—по географіи, Ганжина Ольга—по всѣмъ предметамъ, Кладькевичъ Наталія—кромѣ закона Божія по всѣмъ предметамъ.

Омельяненко Матрона, Рахинская Вѣра—оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

Лапчинская Анастасія—оставляется по болѣзни.

Марачевская Александра, Матусевичъ Лидія, Савичъ Екатерина—увольняются по неявкѣ въ училище въ продолженіи года.

2-го класса 2-го отдѣленія:

Переводятся въ третій классъ:

Награждаются книгами и листами: Кардовская Матрона, Мавѣевская Людмила, Рахинская Анна, Смѣльницкая Анастасія—успѣховъ отличныхъ 5.

Награждаются листами: Терлецкая Варвара, Михайловская Евфросинія, Зубковская Евфросинія, Жукова Марія, Танская Татьяна, Маковецкая Елена—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Смирнова Евдокія, Самбурская Екатерина, Пиневичъ Надежда, Прозорова Елена, Радчевичъ Евфросинія, Тросницкая Анна, Троицкая Надежда, Бѣлоусовичъ Наталія—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Лукашевичъ Елена, Гусаковская Евгенія, Левицкая Александра, Цитовичъ Евгенія, Элланская Марія, Сахновская Афанасія, Пюнтковская Анна, Баранъ Ольга, Ярошевская Неонилла, Барановичъ Анна—успѣховъ хорошихъ 3.

Назначаются къ передержкѣ экзамена:

Олейникова Анастасія—по русскому языку.

Селегинская Анна—по русскому языку и географіи.

Къ экзамену:

Виницкая Марія, Лашнюкова Ольга—по всеѣмъ предметамъ, Соломаха Александра—по всеѣмъ предметамъ, кромѣ русскаго языка.

Головаческая Олимпіада, Горбатовская Анна, Кибальчичъ Наталія—оставляются на повторительный курсъ по малоуспѣшности.

Катериничъ Евфросинія—увольняется по неявкѣ въ училище въ теченіи года.

1-го класса 1-го отдѣленія:

Переводятся во второй классъ:

Награждается листомъ: Чернявская Ольга—успѣховъ отличныхъ 5.

Награждаются листами: Громаковская Вѣра, Скубачевская Александра, Бугославская Надежда, Русановичъ Анна—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Юницкая Густинія, Яворская Софія—успѣховъ очень хорошихъ 4.

Сочава Вѣра, Пучковская Александра, Филоновская Анна, Кисилевичъ Александра, Левицкая Вѣра, Хоменко Алевтина, Ренская Наталія, Ромаскевичъ Олимпіада, Левицкая Варвара, Патруева Дарья, Величко Параскева—успѣховъ хорошихъ 3.

Назначаются къ передержкѣ экзамена:

Костюшко Марія, Левицкая Марія—по ариѳметикѣ, Иванишева Марія—по русскому языку, Лавровская Вѣра—по закону Божію и русскому языку.

Къ экзамену:

Капшурева Наталія, Григоровская Александра, Виноградская Анна—по всѣмъ предметамъ.

1-го класса 2-го отдѣленія:

Награждаются листами: Хандажинская Еватерина, Носачевская Евфросинія—успѣховъ отличныхъ 5.

Награждается листомъ: Максименко Ольга—очень хорошихъ 4.

Чернишева Ольга, Кононцова Евдокія, Романова Вѣра, Краснопѣвцева К. Липинская Анна, Ромаскевичъ Евдокія, Городиская Антонина, Ромаскевичъ Агнія, —успѣховъ очень хорошихъ 4.

Тхоревская Дарія, Нѣжинцева Теофиста, Техановская Юлія, Громаковская Анна, Лашнюкова Екатерина, Мозолевская Анна, Имшенецкая Марія—успѣховъ хорошихъ 3.

Назначаются къ передержкѣ экзамена:

Качановская Фанна—по русскому языку, Нагорская Анастасія—по русскому языку и ариѳметикѣ.

Марченко Раиса—къ экзамену по всѣмъ предметамъ.

Пиневичъ Анастасія—увольняется по прошенію.

Полонская Ольга—оставляется на повторительный курсъ по болѣзни.

Семенюкъ Анна—увольняется по неявкѣ въ училищѣ въ теченіи года.

Списокъ учениковъ Стародубскаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній учебнаго 1884 года, на основаніи средняго вывода изъ годоваго и экзаменическаго балловъ и утвержденный Его Преосвященствомъ 5 Іюля.

Приготовительный классъ.

РАЗРЯДЪ 1-й.

Иванъ Θεодоровскій, Александръ Бѣльскій, Даніилъ Киселевичъ, Иванъ Богдановскій, Иванъ Пашинскій.

РАЗРЯДЪ 2-й.

Семень Филимоновскій, Иванъ Тросницкій, Иванъ Каченовскій, Иванъ Дмитровскій, Михаилъ Жигуновъ, Николай Григоровскій Николай Матусевичъ—назначаются къ переводу въ первый классъ училища.

РАЗРЯДЪ 3-й.

Андрей Карповъ, послѣ каникулъ будетъ подвергнутъ переэкзаменовкѣ по русскому языку и ариѳметикѣ.

Максимъ Лобановскій оставляется въ семь же классѣ на повторительный курсъ.

Михаилъ Богдановскій, не бывшій въ теченіи всего года, увольняется изъ училища.

Первый классъ.

РАЗРЯДЪ 1-й.

Василій Кудрявцевъ, Діонисій Левицкій, Николай Лобановскій, Иванъ Кибальчичъ, Аркадій Спасскій.

РАЗРЯДЪ 2-й.

Александръ Пятницкій, Константинъ Любарскій, Павелъ Левицкій, Иванъ Доброгаевъ, Николай Кузминскій, Григорій Кибальчичъ—назначаются къ переводу во второй классъ училища.

Для поступленія въ тотъ-же классъ, послѣ каникулъ, будутъ подвергнуты переэкзаменовкѣ: Павелъ Зеленецкій—по русскому языку, Феодоръ Смоленскій—по Ариѳметикѣ.

РАЗРЯДЪ 3-й.

Георгій Бурый—по священной исторіи и латинскому языку, Сергѣй Оглоблинскій, Дмитрій Бакуревичъ Иванъ Езерскій, Петръ Зеленецкій, Сергѣй Каченовскій, Николай Хандажинскій—по латинскому языку и ариѳметикѣ.

Оставляются въ семь же классѣ на повторительный курсъ: Александръ Хандажинскій, Евѳимій Корейша, Петръ Илленко, Иванъ Цитовичъ, Павелъ Улезко, Алексѣй Молявицкій.

Увольняется изъ учлища по малоуспѣшности Юлій Фіалковскій.

Второй классъ.

РАЗРЯДЪ 1-й.

Андрей Макѣенко, Павелъ Лобановскій, Никола Россинскій, Никита Демяновскій, Яковъ Шендерей, Аркадій Ромаскевичъ.

РАЗРЯДЪ 2-й.

Феодоръ Хандажинскій, Павелъ Туткевичъ, Константинъ Доброгаевъ, Константинъ Ливановъ, Дмитрій Бурневскій, Дмитрій Иценко—назначаются къ переводу въ 3-й классъ училища.

Для поступленія въ тотъ же классъ, послѣ каникулъ, будутъ покрѣплены переэкзаменовкѣ: Иванъ Доброленскій—по латинскому языку, Михаилъ Смоленскій—по русскому, Иванъ Любарскій, Митрофанъ Феодоровскій—по латинскому языку.

РАЗРЯДЪ 3-й.

Александръ Пиневичъ — по русскому и греческому языку, Стефанъ Калиновскій — по греческому языку и Иванъ Кончаловскій — по ариѳметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ: Николай Крыловскій, Александръ Симонтовскій, Дмитрій Езерскій, Александръ Кибальчичъ, Иванъ Улезко, Василій Рыжковскій, Сергѣй Доброгаевъ, Леонидъ Лапчинскій, Арсеній Калиновскій, Василій Ливановъ; послѣдніе четыре, какъ малоуспѣвшіе и не бывшіе на экзаменѣ по болѣзни, если пожелаютъ, послѣ каникулъ могутъ быть допущены къ испытанію для поступленія въ 3-й классъ.

Увольняется изъ училища по великовозрастію и малоуспѣшности: Григорій Улезко.

Третій классъ.

РАЗРЯДЪ 1-й.

Феодоръ Денисенко, Иванъ /Курганскій, Алексѣй Вишневскій.

РАЗРЯДЪ 2-й.

Владиміръ Краснопольскій, Иванъ Богословскій, Петръ /Кальницкій, Евгеній /Лисовскій, Иванъ Крешановскій, Иванъ Лисовскій, Ксенофонтъ Левицкій, Андрей Лобановскій, Иванъ Покровскій, Иванъ Давидовичъ — назначаются къ переводу въ 4 классъ училища.

Для поступленія въ тотъ-же классъ, послѣ каникулъ, будутъ подвергнуты переэкзаменовкѣ: Константинъ Жигуновъ—по Катихизису, Михаилъ Веницкій, Дмитрій Левицкій, Григорій Григоровскій—по географіи, Павелъ Крыжковичъ—по латинскому языку.

РАЗРЯДЪ 3-й.

Василій Тарасѣвичъ—по русскому языку и географіи.

Оставаются въ семъ-же классѣ на повторительный курсъ: Павелъ Пашкевичъ, Иванъ Волковъ, Иванъ Оглоблинскій, Сергѣй Козминскій, Семенъ Бондаревскій, Василій Григоровскій, Александръ Бутырскій.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшности: Пятницкій Николай.

Четвертый классъ.

РАЗРЯДЪ 1-й.

Павелъ Прокливитанновъ, Магарій Демяновскій.

РАЗРЯДЪ 2-й.

Иосифъ Серапиновъ, Василій Доброгаевъ, Александръ Левицкій 2-й, Митрофанъ Богдановскій, Василій Калиновскій, Сергѣй Туткевичъ, Николай Сѣчко-Кушнеровскій, Александръ Булгаковъ, Василій Богословскій, Теодоръ Езерскій, Александръ Левицкій 1-й, Иванъ Головковъ, Василій Спасскій, Дмитрій Туткевичъ, Николай Чернышевъ, Митрофанъ Туткевичъ, Тимофей Дмитровскій—за окончаніемъ полнаго училищнаго,

курса, на основаніи Указа Святѣйшаго Синода отъ 24 Октября 1884 года, признаются достойными перевода въ первый классъ духовной Семинаріи.

РАЗРЯДЪ 3-Й.

Феодоръ Тарасевичъ, Михаилъ Левицкій—увольняются изъ училища съ правами окончившихъ полный училищный курсъ.

Иванъ Молявицкій, не бывшій въ училищѣ, по болѣзни, почти въ теченіи всего учебнаго года, если пожелаетъ, можетъ быть оставленъ въ семь же классѣ на повторительный курсъ.

Разрядный списокъ учениковъ Новгородсѣверскаго духовнаго училища, составленный послѣ годичныхъ испытаній, бывшихъ въ концѣ 188⁴₅ учебнаго года.

Приготовительный классъ.

РАЗРЯДЪ ПЕРВЫЙ.

Александръ Померанцевъ—награжденъ книгою, Василій Григоровичъ, Павелъ Цуймановъ, Александръ Бурковский, Григорій Липскій, Леонидъ Морачевскій, Михаилъ Илленко, Геннадій Феодосьевъ, Иванъ Рублевскій.

РАЗРЯДЪ ВТОРЫЙ.

Василій Рожановскій, Феодоръ Яновскій, Стефанъ Марченко, Феодосій Храпачевъ, Исаакъ Пиневицъ, Гри-

горій Величковскій, Александръ Фотіевъ, Александръ Вештортъ, Григорій Ягодовскій—переводятся въ первый классъ.

Переэкзаменовки: Яковъ Никитченко—по ариметикѣ, Петръ Серединскій и Сергѣй Григоровскій—по церковно-славянскому чтенію.

Разрядъ третій.

Григорій Патруевъ, Николай Пучковскій и Акимъ Борнацкій—оставляются въ томъ же классѣ.

Егоръ Тарасовъ и Николай Тарасовъ—по безуспѣшности увольняются изъ училища.

Первый классъ.

Разрядъ первый.

Андрей Скубачевскій и Викторъ Миловидовъ—награждаются книгами, Яковъ Лукашевичъ, Платонъ Рачинскій, Павелъ Доброленскій, Петръ Базилевичъ, Фодоръ Андриевскій, Димитрій Савицкій.

Разрядъ второй.

Василій Пригоровскій, Михаилъ Лапчинскій, Андрей Журавченко, Иванъ Имшенецкій, Егоръ Самойловичъ, Петръ Бугославскій, Павелъ Виноградскій, Егоръ Доброленскій, Петръ Старогорскій, Иванъ Григоровичъ, Петръ Добронравовъ, Александръ Илленко, Семень Золотовъ, Владиміръ Базилевичъ, Филиппъ Богдановскій, Димитрій Дубровскій, Порфирій Матвѣевскій,

Константинъ Промысловъ, Тимофей Россиневичъ, Павелъ Пироговъ, Иванъ Корейша—переводятся во второй классъ.

Переекзаменовки: Иванъ Рознатовскій—по латинскому языку устно, Андрей Громаковскій—по латинскому языку письменно.

РАЗРЯДЪ ТРЕТІЙ.

Иванъ Покровскій—по латинскому и русскому языку письменно, Филиппъ Танскій—по латинскому языку устно и ариѳметикѣ письменно, Иванъ Борнацкій 1-й—по священной исторіи и латинскому языку письменно.

Андрей Өоминскій, Петръ Коженовскій, Иванъ Герашенко, Иванъ Борнацкій 2-й, Иванъ Базилевичъ, Александръ Бондаревскій—оставляются въ томъ же классѣ.

Алексѣй Громаковскій—по малоуспѣшности и неблагонадежности къ продолженію ученія увольняется изъ училища.

Второй классъ:

РАЗРЯДЪ ПЕРВЫЙ:

Григорій Барадупинъ—награжденъ книгою, Евгений Балдовскій, Алексѣй Морозовъ—награжденъ книгою, Михаилъ Острицкій.

РАЗРЯДЪ ВТОРЫЙ:

Константинъ Слюсаревскій, Николай Патруевъ, Алексѣй Тищенко, Василій Загайный, Димитрій Кучинскій, Алексѣй Крыловскій—переводятся въ третій классъ.

Перезкзаменовки: Михаилъ Фотіевъ—по латинскому языку устно, Евгеній Базилевичъ—по русскому языку письменно, Анатолій Ромаскевичъ—по латинскому языку устно, Иосифъ Максимовичъ—по греческому языку устно, Петръ Левицкій—по греческому языку письменно.

РАЗРЯДЪ ТРЕТІЙ:

Даніилъ Безпалый—по русскому и латинскому языкамъ письменно, Владиміръ Картель—по латинскому языку устно и греческому устно и письменно, Андрей Патруевъ—по латинскому языку устно и письменно и русскому языку письменно.

Третій классъ.

РАЗРЯДЪ ПЕРВЫЙ.

Яковъ Галеинъ—награжденъ книгою, Яковъ Рыбальченко, Николай Калиновскій, Павелъ Андріевскій, Петръ Селигинскій.

Разрядъ второй.

Михаилъ Пиневичъ, Григорій Калиновскій, Димитрій Карповъ, Иванъ Бурковскій, Григорій Пупловскій,

Александръ Сіяльскій, Тарасъ Никитченко, Александръ Краснотгорскій, Михайлъ Ващенко, Владиміръ Коровкевичъ, Яковъ Пуцловскій, Иванъ Зебницкій, Александръ Яценко—переводятся въ IV-й классъ.

Переэкзаменовки: Семень Слюсаревскій—по латинскому языку письменно, Владиміръ Доброславскій—по русскому языку письменно, Прокофій Кучинскій—по латинскому языку письменно и греческому языку устно и письменно, Александръ Имшенецкій—по греческому языку устно и письменно, Василій Петровскій и Василій Рачинскій—по греческому языку устно и письменно.

Разрядъ третій.

Василій Дубровскій—по русскому и греческому языкамъ письменно, Николай Лайковъ—по латинскому языку письменно и греческому языку устно и письменно, Владиміръ Тарасъвичъ—по латинскому и греческому языкамъ письменно, Михайлъ Буревскій—по греческому языку письменно и географіи.

Александръ Кучеровскій, Михайлъ Кольницкій—оставляются въ томъ же классъ.

Михайлъ Пюнтковскій—увольняется изъ училища по малоуспѣшности, зависѣвшей отъ малоспособности и великовозрастія.

Шестой классъ.

Разрядъ первый.

Ареадій Балдовскій и Михайлъ Кашпуревъ, Ниль

Бондаревскій, Максимъ Самойловичъ, Николай Вербицкій, Петръ Щуцкій.

РАЗРЯДЪ ВТОРОЙ.

Григорій Пиневичъ, Василій Виницкій, Павелъ Золотовъ, Иванъ Богдановскій, Андрей Виноградскій—за окончаніемъ полнаго курса ученія въ училищѣ увольняются изъ онаго, для поступленія куда пожелаютъ съ выдачею имъ установленныхъ свидѣтельствъ и съ признаніемъ ихъ достойными перевода въ 1-й классъ Семинаріи.

Егоръ Пюнтковскій, Василій Виноградскій.

РАЗРЯДЪ ТРЕТІЙ.

Викторъ Θεодосьевъ, Михаилъ Θεодосьевъ, Николай Красовскій, Василій Корзюковъ, Артемонъ Миловидовъ—за окончаніемъ полнаго курса ученія въ училищѣ, увольняются изъ онаго, для поступленія куда пожелаютъ съ выдачею имъ установленныхъ свидѣтельствъ, но безъ признанія ихъ достойными перевода въ 1-й классъ семинаріи.

Александръ Липскій—по болѣзни оставляется въ томъ же классѣ.

Смотритель Черниговскаго духовнаго училища рапортомъ отъ 9 іюля донесъ Его Преосвященству, что для училищной церкви сдѣлали пожертвованія слѣдующія лица: 1) почетный блюститель по хозяйствен-

ной части училища статскій совѣтникъ Димитрій Васильевичъ Савицкій пожертвовалъ 50 руб., смотритель училища, надворный совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Михайловскій 50 руб., Черниговскій купецъ Михаилъ Яковлевичъ Селюкъ 25 руб. и одинъ колоколь въ 19 ф. вѣсу, Черниговскій купецъ Иванъ Васильевичъ Бобровъ 20 руб., Черниговскій купецъ Петръ Петровичъ Цвѣтъ сдѣлалъ 16 р. уступки на проданныхъ имъ 5 колоколахъ, настоятель училищной церкви священникъ Василій Самбурскій пожертвовалъ 10 руб., итого пожертвовано означенными лицами 171 руб. и одинъ колоколь. На означенныя средства приобрѣтено для училищной церкви 6 колоколовъ вѣсомъ 9 пуд.

На семъ рапортѣ смотрителя Его Преосвященству благоугодно было положитъ такую резолюцію: Напечатать въ епархиальныхъ извѣстіяхъ съ изъясненіемъ жертвователямъ моей благодарности.

У. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1, При Черниговскомъ Духовномъ Училищѣ съ 1-го Сентября мѣсяца текущаго года открываются должности двухъ репетиторовъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1, означенныя должности имѣютъ право занять студенты Духовной Семинаріи; 2, репетиторы обязаны репетировать казеннокоштныхъ слабоуспѣвающихъ учениковъ,

за что имъ полагается отъ училища столъ и квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ; 3, по репетированію своекоштныхъ учениковъ, живущихъ въ училищномъ пансіонѣ репетиторы имѣютъ войти въ соглашеніе съ родителями относительно денежнаго вознагражденія за труды по репетированіи, при чемъ Правленіе Училища полагаетъ установить плату за репетированіе не выше трехъ руб. въ мѣсяцъ отъ каждаго своекоштнаго ученика.

Объявляя о семъ въ Епархіальныхъ извѣстіяхъ для свѣдѣнія желающихъ поступить репетиторами въ училище и для свѣдѣнія родителей, воспитывающихъ своихъ дѣтей въ училищномъ общежитіи, Правленіе предлагаетъ первымъ подавать въ Правленіе заявленія о своемъ желаніи занять означенныя должности съ приложеніемъ аттестатовъ на званіе студента, а вторыхъ приглашаетъ договорить для своихъ дѣтей репетиторовъ имѣющихся при училищѣ.

2, При Черниговскомъ Духовномъ Училищѣ состоитъ вакантною должность эконома училища. Лица, желающія занять означенную должность, благоволятъ подавать о семъ заявленія съ приложеніемъ документовъ и аттестатовъ о службѣ съѣзду духовенства училищнаго округа, имѣющему быть въ Черниговѣ 18 Января 1886 года. Эконому полагается казенная квартира, отопленіе, освѣщеніе, столъ и 500 р. жалованья. Преимущественное право на занятіе этой должности имѣютъ лица духовнаго званія; допускаются также и

лица свѣтскаго званія съ одобрительнымъ аттестатомъ о своей службѣ прежней и съ залогомъ 300 руб. Отъ эконома требуется полное знаніе веденія хозяйства, счетоводства, трезвая жизнь и исполнительность по службѣ. Лица многосемейныя означенной должности занять не могутъ.

Правленіе Черниговскаго духовнаго училища, на основаніи своего журнальнаго постановленія 16 Іюля сего года за № 23, утвержденнаго Его Преосвященствомъ, объявляетъ для свѣдѣнія родителей, родственниковъ и опекуновъ, имѣющихъ опредѣлить своихъ дѣтей въ училище, — росписаніе пріемныхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ: имѣющихъ быть въ Августѣ мѣсяцѣ сего 1885 года, и именно: 16 и 17 Августа экзаменъ для поступающихъ въ пріготовительный классъ училища, 19—экзаменъ для поступающихъ въ 1-й классъ, 20-го экзаменъ для поступающихъ во 2-й, 3-й и 4 классы, 21-го письменныя переэкзаменовки ученикамъ 1-го, 2-го и 3 классовъ и устныя переэкзаменовки ученикамъ пріготовительнаго класса, 22-го устныя переэкзаменовки ученикамъ 3-го класса и письменныя переэкзаменовки ученикамъ пріготовительнаго класса, 23-го письменныя переэкзаменовки ученикамъ 3-го и 2-го классовъ по ариѳметикѣ и греческому языку и устныя переэкзаменовки ученикамъ 1-го класса, 24-го устныя переэкзаменовки ученикамъ

2-го класса и письменныя переэкзаменовки ученикамъ 1 класса по ариѳметикѣ, 26-го Августа молебень и начало ученія.

При семъ правленіе училища объявляетъ, что въ Черниговскомъ духовномъ училищѣ въ приготовительномъ классѣ 90 вакансій, въ 1 классѣ 20 вакансій, во 2-мъ классѣ 10 вакансій, въ 3 классѣ 19 вакансій и въ 4-мъ классѣ 8 вакансій.

При Стародубскомъ духовномъ Училищѣ съ 15 Августа, будетъ состоять вакантною должность учителя нотнаго церковнаго пѣнія. Кромѣ классныхъ занятій, на учителя пѣнія возлагается обязанность руководства и управленія училищномъ хоромъ во время Богослуженій. Штатнаго содержанія по означенной должности положено 280 рублей и добавочнаго изъ средствъ округа 200 рублей.

Отчетъ Комитета по сооруженію Православнаго Храма у подножія Балканъ въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.

По 31-е Декабря 1884 года.

Къ общей суммѣ пожертвованій принятыхъ по Руб. Коп. 30-е Іюня 1884 года. 402839 48

Поступило вновь съ 1-го Іюня по 31-е Декабря 1884 года:

Непосредственно въ Комитетъ 2 16

Руб. Коп.

Через Хозяйственное Управление при Святейшемъ Синодѣ:

а) Наличными деньгами	7915 99
б) Процентными бумагами, считая по номинальной цѣнѣ	50 —
	<hr/> 7968 15

А всего поступило пожертвованій съ открытія Комитета. 410807 63

Сверхъ того съ 1-го Іюля по 31-е Декабря 1884 года, поступило процентовъ по 5⁰/₀ облигаціямъ 3-го восточнаго займа и свидѣтельствамъ на 6⁰/₀ золотую ренту 12184 93

А съ поступившими до 1-го Іюля 1884 г. какъ на суммы, находившіяся на особомъ счету въ Государственномъ Банкѣ, такъ и на процентныя бумаги. 62968 17

Всего процентнаго поступленія 75153 10

Итого поступило пожертвованій и процентовъ . 485960 73

Кромѣ того получено за проданныя 100 облигацій 3-го 5⁰/₀ восточнаго займа, по 1000 руб. нарицат. каждая 96784 03

Всего же въ приходѣ съ открытія Комитета по 31-е Декабря 1884 г. 582744 76

Общая сумма пожертвованій 410807 р. 63 коп. распредѣляется по источникамъ поступления слѣдующимъ образомъ:

Всемиловѣйше пожаловано въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ 1000 —

Руб. Коп.

Пожертвовано Его Высочеством Княземъ Болгарскимъ 400 —

Пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдельных воинских частей, сухопутныхъ и морскихъ . . . 29891 82

Поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными, приходскими священниками, причетниками и консисторіальными чиновниками 146999 76

Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Афонскими монастырями 8122 р.

Пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ . . . 5860 64

Пожертвовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства 20802 44

Поступило отъ дворянства, какъ коллективно, такъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ пожертвованныхъ предводителями дворянства . . 7419 66

Пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ 55267 22

Въ томъ числѣ пожертвовано Московскою Городскою Думою въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора 50000 руб.

	Руб. Коп.
Собрано и пожертвовано членами земских управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ	6887 22 ¹ / ₂
Собрано и пожертвовано начальниками губер- ній и полицейскими чинами.	77420 96
Отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россій- скаго Общества Краснаго Креста.	4335 70
Отъ русскихъ посольствъ миссій и консульствъ за границею.	6559 05 ¹ / ₂
Отъ ярмарочныхъ комитетовъ.	991 91
Отъ частныхъ банковыхъ обществъ и учрежденій.	2187 40
Отъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ об- ществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ.	16785 62
Отъ содержателей фабрикъ и заводовъ.	8311 53
Отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній	5467 97
Отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ ар- телей	931 44
Непосредственно отъ крестьянъ	7420 55
Отъ клубовъ и общественныхъ собраній.	430 50
Отъ разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно	4395 46
Отъ содержателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній	640 47
Отъ биржевыхъ маклеровъ и нотаріусовъ	400 30
	410807 63

Съ 1 Юля по 31 Декабря 1884 г. произведены слѣдующіе расходы:

Издержано на дѣлопроизводство, помѣщеніе

Руб. Коп.

Канцеляріи, канцелярскія принадлежности, печатаніе бланковъ, почтовые расходы, разсылку, освѣщеніе и т. под. 844 65

Выдано Инженеръ-Капитану Успенскому на путевые расходы по прїѣзду его изъ Кіева въ Петербургъ 100 —

Уплачено Штабъ-Ротмистру Романову за составленіе, для сооружаемой церкви, списковъ убитыхъ въ минувшую компанію военныхъ чиновъ 255 —

Уплачено Государственному Банку за храненіе цѣнностей 46 96

1246 61

Употреблено на покупку 503 свидѣтельств Государственной Коммиссіи Погашенія долговъ на 6⁰/₁₀₀ золотую ренту, по номинальной цѣнѣ на 68500 р. 116602 76

и 5-ти 5⁰/₁₀₀ облигацій 3-го восточнаго займа, по номинальной цѣнѣ на 5000 р. 4854 —

Всего употреблено на покупку процентныхъ бумагъ 121456 76

Всего же въ расходѣ съ 1-го Іюля по 31-е Декабря 1884 года 122703 37

А съ присоединеніемъ общаго расхода по 30-е Іюня 1884 года 18373 90

и израсходованныхъ въ то же время на покупку 424 облигацій 3-го 5⁰/₁₀₀ восточнаго займа на 418300 р. и 23 свидѣтельствъ на 6⁰/₁₀₀ золо-

Руб. Коп.

тую ренту на 23000 р., всего на 441300 руб.
 нарицат. 426303 95¹/₂

 444677 85¹/₂

А всего въ расходѣ съ открытія Комитета по
 31-е Декабря 1884 года 567381 22¹/₂

Затѣмъ остается въ наличности къ 1-му
 Января 1885 года:

Процентными бумагами (въ числѣ ихъ пожертвованныхъ: 1—5⁰/₁₀₀ билетъ С.-Петербургскаго
 Городскаго Кредитнаго Общества въ 500 р. и
 3 облигаціи 5⁰/₁₀₀ Восточнаго займа, по 50 р.
 каждая) 415450 —

Кредитными деньгами 14730 71¹/₂

А всего . . . 430180 71¹/₂

Изъ наличной суммы кредитными деньгами
 хранится на особомъ счету въ конторѣ госу-
 дарственнаго банка 14495 46¹/₂

Находится въ кассѣ комитета 235 25

Изъ означенной общей суммы 430180 р. 71¹/₂ к.—110300 к.
 облигаціями 3-го восточнаго займа и 538 р. 07¹/₂ к. кредит-
 ными билетами, а всего 110838 руб. 07¹/₂ к. составляютъ
 неприкосновенный запасный капиталъ на обезпеченіе причта
 и будущаго ремонта церкви, а 500 р. нарицат., помѣщенные
 въ 1 5⁰/₁₀₀ облигаціи С.-Петербургскаго Городскаго Кредитнаго
 Общества и 322 р. 21 к. кредитныхъ пожертвованы съ ниже-
 означенными спеціальными назначеніями: процентный доходъ
 съ упомянутаго билета имѣеть быть употребляемъ на вѣчное

поминовение, въ сооружаемомъ храмѣ, воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 гг. а доходъ съ 222 р. 78 к., по обращеніи денегъ въ процентныя бумаги, на содержаніе неугасимой лампы передъ образомъ Спасителя въ храмѣ, остальные же 99 р. 43 к. предназначены для приобрѣтенія, для сего же храма, иконы Св. Алексанора Невскаго и Св. Маріи Магдалины, въ ознаменованіе дня коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій въ Комитетъ поступили отъ нижепоименованныхъ лицъ слѣдующія приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами.

Въ 1880 г.: отъ А. О. Лутушиной—образъ Св. Апостоловъ Петра и Павла въ серебряной ризѣ.

Отъ Настоятеля и Братіи Благовѣщенской Никандровой Пустыни, Псковской епархіи—икона преподобнаго Никандра Псковскаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника, серебряный вызолоченный крестъ и Св. Евангеліе въ бархатѣ съ серебряными украшениями.

Въ 1881 г.: отъ Мануфактуръ-Совѣтника П. И. Олавианшикова—церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампы, 2 кадила, 3 блюда, 2 кропила, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, панихидница, мѣропомазанница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, купель, чаша,—мѣдные посеребрённые, и 5 колоколовъ въ 25 пудовъ вѣса.

Отъ Священника Николаевского прихода, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда Харьковской епархіи, Самуила Федорова—два шелковыхъ платка для престола.

Въ 1882 г.: отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной—церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ г. Пензѣ, Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискаса, потира, звѣздицы, лжицы, копія, ковшика и двухъ блюдовъ.

73 аршина новины (холста), доставленные Ярославскимъ Губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ).

Въ 1883 г.: отъ крестьянъ Глѣбовской волости. Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи—ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чашки, потира,

дискоса съ принадлежностями, пожертвованными въ память 25-лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Отъ Благодѣянаго Боровскаго собора, священника Василя Казанскаго—26 аршинъ холста.

Въ 1885 г.: отъ бывшаго священника Л.-Гв. Егерскаго полка, Протоіерея Павла Фаворскаго—образъ Рождества Христова въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоценными камнями, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Разновременно отъ неизвѣстныхъ—святцы мѣсячные, печатанные олеографіей на холстѣ, и двѣ брошюры подъ заглавіями: „Св. Равноапостольные Просвѣтителі славянъ Кирилль и Меѳодій“ и „Слово въ день Св. Равноапостольныхъ Славянскихъ Просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, произнесенное 11 Мая 1882 г. въ Исаакіерскомъ Соборѣ, Протоіереемъ Іоанномъ Палисадовымъ“.

Со времени опубликованія послѣдняго своего отчета, Комитетъ, за неявкою вызывавшихся имъ подрядчиковъ, постановилъ приступить къ постройкѣ церкви хозяйственнымъ образомъ, поручивъ производство работъ, подъ наблюденіемъ мѣстнаго въ Филиппополѣ Комитета, командированному съ Высочайшаго разрѣшенія въ распоряженіе Комитета Инженеръ-Капитану Успенскому. Г. Успенскій долженъ прибыть на мѣсто, для подготовительныхъ по постройкѣ распоряженій, въ началѣ Іюня текущаго 1885 года.

Въ Апрѣлѣ 1885 г., согласно постановленію Комитета, совершенно, по распоряженію мѣстнаго нашего въ Филиппополѣ Генеральнаго Консульства, передаточный актъ на землю подъ церковь на имя Предсѣдателя Комитета.

Вновь избраны въ члены Комитета: 2-й Секретарь нашего Генеральнаго Консульства въ Восточной Румелии Николай Николаевичъ Власовъ и состоящій при означенномъ консульствѣ Генеральнаго Штаба Подполковникъ Михаилъ Михайловичъ Чичаговъ.

Редакторъ Протоіерей **І. Буримовъ.**

Печ. дозв.: Цензоръ, Кафедральный Протоіерей *Григорій Діаконовъ*, 30 Іюля 1885 года. Черниговъ, Губернская Типографія.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ЧЕРНИГОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ИЗВѢСТІЯМЪ

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

КЪ № 15^{-му}

1-го АВГУСТА

(ГОДЪ XXV).

1885 года.

Содержаніе: Педагогъ новаго христіанскаго міра славянинъ Амосъ Коменскій.—Объ-
явленіе.

**Педагогъ новаго христіанскаго міра славянинъ Амосъ
Коменскій.**

**II. „Великая Дидактика“ (Magna Didactika) Комен-
скаго.**

§ 6. Въ пору полного разцвѣта мужественнаго возраста вполнѣ развертывается и творческая сила философско-педагогическаго гения Коменскаго. Всѣ завѣтныя стремленія его къ улучшенію воспитанія, пробудившіяся еще въ ранней молодости, всѣ практическія частныя попытки въ этомъ отношеніи, всѣ выработанныя глубокимъ анализомъ законовъ развитія человѣческаго духа теоретическіе принципы воспитательнаго образованія,—теперь слагаются органически въ полный, ясно и раздѣльно очерченный въ подробностяхъ педагогическій идеаль, опредѣляющій законы естественнаго и гармоническаго развитія человѣческой природы и сообразно съ этимъ обнимающій воспитаніе на всѣхъ ступеняхъ его по различнымъ видамъ школъ, которыя соотвѣтствуютъ ступенямъ и возрастамъ развитія человѣка. Словомъ, создается полная, органическая педагогическая система или наука,

на которой должно быть основано искусство наилучшаго воспитанія челоѣка—это “искусство искусствъ”, по выраженію Григорія Назіанзина, приводимому Коменскимъ. Эту научную систему педагогика представляетъ обширный кругъ твореній, гениальныхъ по новизнѣ, оригинальности и глубокой истинѣ педагогическихъ основъ, твореній (*opera didactica*) все шире и подробнѣе развивавшихъ педагогическія идеи и планы, все глубже и глубже проникавшихъ въ тайны дидактики, такъ что, по выраженію Палацкаго, Коменскій сталъ въ ней знатокомъ и оракуломъ учителей и юношества. *Didactica Magna* въ этомъ ряду занимаетъ первое мѣсто по времени своего появленія, и въ тоже время составляетъ первооснову, какъ зерно растенія въ своихъ элементахъ *implicite* содержитъ весь могучій стволъ съ живыми отпрысками и вѣтвями, съ прекраснымъ цвѣтомъ и полнымъ жизненнымъ сокомъ плодомъ дерева. Великой Дидактикѣ Коменскаго предшествовала „*Magna Instauratio*“ Вѣкона Веруламскаго, за ней слѣдовало чрезъ 10 лѣтъ знаменитое разсужденіе о методѣ, какъ правильно вести свой разумъ и отыскивать научныя истины, Рене Декарта. Великая дидактика написана Коменскимъ въ 1628 году, когда ему исполнилось 35 лѣтъ отъ роду и издана въ Лиссѣ, гдѣ педагогъ-изгнанникъ нашелъ вмѣстѣ съ своими соотечественниками для себя первый пріютъ, покинувъ родину, и гдѣ онъ сталъ директоромъ и учителемъ тамошней гимназіи. То, что сдѣлали своимъ появленіемъ упомянутыя творенія Вѣкона и Декарта въ области науки, то произвела въ области обученія—великая дидактика Коменскаго. Тамъ основаніе и начало новой философіи, здѣсь основаніе новой Европейской школы. Въ превосходномъ по задушевности привѣтъ къ читателю, самъ Коменскій скромно, но вполне сознавая все значеніе своего творенія, которое называетъ *новымъ открытіемъ*, такъ характеризуетъ поводъ къ своему предпріятію и его главныя особенности.

„Искусство учить и учиться“ было большею частію неизвѣстно въ предшествующія времена, а потому и школьное дѣло и школы были преисполнены гнета и трудностей, заблужденій и промаховъ. Но посреди этаго сумрака Богъ съ недавнихъ поръ начинаетъ предпосылать зараждающемуся новому вѣку какъ бы проблески утренней зари, возставивши въ Германіи нѣкоторыхъ доб-

местныхъ мужей, которые преисполнившись отвращенія къ безпорядкамъ, порождаемымъ въ школахъ дурною методою, приложили старанія изыскать и обсудить болѣе легкій и короткій путь обученія. Далѣе Коменскій указываетъ имена педагоговъ и ученыхъ, потрудившихся для улучшенія школъ: Ратиша, Любина, Гельвита, Риттера, Бодена, Глаума, Фогеля, Вольфштирна, Андреэ, изъ которыхъ нѣкоторые въ настоящее время почти вовсе неизвѣстны. Это указаніе важно тѣмъ, что свидѣтельствуетъ о полномъ знакомствѣ Коменскаго съ трудами всѣхъ своихъ предшественниковъ. Когда, продолжаетъ Коменскій, пробудилось во мнѣ желаніе изучить подробнѣе нѣкоторыя частности и отъ нѣкоторыхъ людей получить также и указанія, я обращался къ одному, къ другому, къ третьему съ письмами, но безуспѣшно, отчасти потому, что нѣкоторые слишкомъ ревниво оберегали свои открытія и мои письма возвращались ко мнѣ безъ отвѣта. Но одинъ славнѣйшій изъ нихъ дружески отвѣчалъ, что онъ вручаетъ намъ „факель“ и такимъ образомъ вдохновилъ насъ сдѣлать попытку. Какъ бы побуждаемый этимъ, мой умъ началъ чаще обсуживать это дѣло, пока я, уступая страстному желанію преуспѣянія народа, не принялся за дѣло съ *самаго основанія*. „Объясняя недостаточность предшествовавшихъ попытокъ къ преобразованію школъ, Коменскій говорить:“ почти все старались достигнуть предположенной цѣли путемъ внѣшнихъ наблюденій, пріобрѣтенныхъ при болѣе поверхностной работѣ, или какъ говорится, пріобрѣтенныхъ a posteriori... Поэтому, оставивъ проторенную другими колею, чужія изобрѣтенія, размышленія, соображенія, совѣты, я взялъ на себя трудъ изслѣдовать самое дѣло совершенно съ изнова и разсмотрѣть искусство обученія (Discentia—говоря выраженіемъ Тертуліана) *въ его причинахъ, принципахъ, методахъ и цѣляхъ*. Мы осмѣливаемся обобщать Великую Дидактику т. е. всеобщее искусство всѣхъ учить всему и притомъ учить *навѣрно*, такъ чтобы ученье не могло осваиваться безъ успѣха, далѣе, учить *скоро*, безъ отягощенія учащихся и учащихся, вызывая не скуку, но скорѣе высшее наслажденіе, наконецъ учить *основательно*, не касаясь только поверхности, но раскрывая существо предмета, всѣхъ приводя къ истинной наукѣ, добрымъ правамъ и внутреннему благочестію. Мы выведемъ все это научно (a priori) т. е. изъ существенной, неизмѣняющейся природы вещей, какъ изъ живаго

источника, который постоянно производит изъ себя ручейки, впоследствии опять соединяющіеся въ одинъ потокъ и такъ обр. мы установимъ всеобщее искусство для образованія всеобъемлющихъ школъ.

§ 7. Приступая къ анализу преобразовательныхъ педагогическихъ плановъ нашего славянскаго реформатора Европейской школы, чтобы представить въ сжатомъ, но возможно полномъ очеркѣ цѣлостную педагогическую теорію, развитую Коменскимъ въ его великой дидактикѣ, мы прежде всего должны замѣтить, что предметъ дидактики Коменскаго не одно обученіе, какъ понимаютъ (односторонне) дидактику въ настоящее время. Характеристично въ этомъ отношеніи самое заглавіе, данное Коменскимъ своему творенію: „Великая Дидактика, содержащая всеобщее искусство всѣхъ учить всему, или вѣрный, испытанный способъ учрежденія такихъ школъ, гдѣ бы все юношество, никого не исключая, просвѣщалось науками, совершенствовалось въ нравахъ, навывало благочестію, дабы такъ обр. всѣ могли достигнуть зрѣлости и научиться всему, что необходимо для этой и для будущей жизни“. Такъ обр. содержаніе дидактики Коменскаго составляетъ физическое, умственно и нравственно-религіозное образованіе. Она представляетъ цѣлостную педагогическую систему, какъ науку о наилучшемъ воспитаніи челоѣка, его моральной истинно челоѣческой личности. Идея воспитанія у Коменскаго внутренне связана съ идеею христіанской иѣики, съ идеею о челоѣческомъ назначеніи и совершенствованіи. „Челоѣкъ, говоритъ Коменскій, есть вышее, свободное и совершеннѣйшее созданіе (гл. 1). Послѣдняя цѣль челоѣка за предѣлами земной жизни (II). Настоящая жизнь есть приготовленіе къ вѣчной (III). Три ступени подготовленія къ вѣчности: самопознаніе и познаніе всего окружающаго, (умственное образованіе), самоуправленіе (нравственное совершенствованіе) и стремленіе къ Богу (благочестіе). Способности къ такому подготовленію или развитію духа или, по живописному выраженію Коменскаго, сѣмена знанія, добродѣтели и религіи врождены намъ отъ природы (V). Однакоже, челоѣкъ, чтобы быть челоѣкомъ, долженъ получить образованіе (VI). Образованіе челоѣка совершается очень легко въ первую пору жизни, а потому только въ эту пору оно можетъ совершиться успѣшно

(VII). Юношеству необходимо давать общечеловѣческое образованіе и для этого необходимы школы (VIII). Таковъ у Коменскаго порядокъ и настрой идей воспитывающаго образованія и теперь выше всякаго сомнѣнія высказанное замѣчаніе о внутренней органической связи въ возрѣвнн Коменскаго педагогическаго идеала съ идеей христіанства. Послушаемъ еще, какъ самъ Коменскій съ свойственной ему пластичностію образа выраженія изображаетъ эту конечную цѣль воспитанія, какъ вѣчнаго развитія, управляемаго христіанскою идеей человѣческаго совершенства и назначенія. „Человѣкъ живетъ тройственною жизнію: растительной, животной и умственной, или духовной; у него три отечества: материнское лоно, земля и небо. Рожденіемъ онъ вступаетъ во второе отечество, смертію и воскресеніемъ въ третье, вѣчное. Какъ въ тѣлѣ матери дитя готовится для жизни земной, такъ въ этой земной жизни душа при содѣйствіи тѣла образуетъ себя для вѣчности. Счастливъ тотъ, кто изъ лона матери выноситъ хорошо развитые члены; въ тысячу разъ счастливѣе тотъ, кто изъ земной жизни приноситъ въ вѣчность хорошо образованную душу“...

Основанный на этой высшей и всеобъемлющей идеѣ христіанскаго возрѣвнн на человѣческое назначеніе, педагогическій идеаль, начертанный на страницахъ великой дидактики, такъ универсаленъ и совершенъ, что, по мнѣнію Раумера, всѣ новѣйшія усовершенствованія въ области педагогической практики еще далеко не исполняютъ его. Универсальности человѣческой жизни соответствуетъ въ системѣ Коменскаго универсальность воспитанія. Мать, еще нося подъ сердцемъ дитя, должна воспитывать его молитвою, чистыми чувствами, воздержаніемъ, тишиной и безстрастіемъ. Когда дитя родилось на Божій свѣтъ, оно должно пройти сперва школу материнскую, потомъ школу отечественную или народную съ роднымъ языкомъ въ основѣ. Только на этой основѣ можетъ развиваться общее образованіе, сообщаемое классическими школами, которыя въ свою очередь составляютъ необходимую основу для вышаго, чисто научнаго образованія, сообщаемаго академіями или университетами. Так. обр. педагогическій идеаль Коменскаго, осуществляемый въ четырехъ формахъ или типахъ школъ, раздѣляетъ образовательное воспитаніе на четыре ступени, обнимающія развитіе человѣческой личности и соответствующія четыремъ воз-

растамъ человѣческой жизни: школа матерняя соотвѣтствуетъ дѣтству, школа народная—отрочеству, гимназія—раннему юношеству, академія или университетъ съ путешествіями—созрѣвшему юношеству. Коменскій двѣсти лѣтъ назадъ создалъ такой планъ организаціи обученія, который и по настоящее время служить основою школьной организаціи. Въ великой дидактикѣ мы встрѣчаемъ и первое домашнее воспитаніе, и начальную школу, отдѣленную отъ вышлага обученія, сообразно съ ея истиннымъ назначеніемъ элементарнаго образованія, наконецъ—среднее и высшее обученіе съ научнымъ характеромъ. И этотъ планъ и основы школьной организаціи будутъ навсегда непреложны, потому что педагогъ—реформаторъ положилъ въ основу своей организаціи вѣчные психологическіе принципы. Въ своемъ планѣ обученія, воспитывающаго человѣка, онъ слѣдовалъ исключительно естественному процессу развитія нашихъ способностей, начиная тѣми, которыя проявляются прежде и кончая той, которая является вѣдствіе развитія всѣхъ другихъ. Этотъ ходъ и порядокъ естественнаго развитія человѣка угаданъ Коменскимъ поистинѣ съ гениальною проникательностію въ тайны человѣческой природы. „Въ *материнской школѣ*, говоритъ нашъ педагогъ, *упражняются преимущественно внѣшнія чувства*, дабы они привыкли останавливаться надлежащимъ образомъ на предметахъ и узнавать ихъ; *въ народной школѣ* должны быть упражняемы преимущественно *внутреннія чувства, воображеніе и память*, вмѣстѣ съ дѣятельными органами познанія—*рукою и языкомъ*—посредствомъ чтенія, письма, рисованія, пѣнія, счисленія, измѣренія, взвѣшиванія—и закрѣпленія всего этого въ памяти. Въ *гимназіи*, на основаніи уже воспринятаго чувствами матеріала, преимущественно будутъ образовываться *разсудокъ и сужденіе* посредствомъ грамматики, риторики и другихъ реальныхъ наукъ и искусствъ, преподаваемыхъ здѣсь съ цѣлію ознакомленія какъ съ самими явленіями, такъ и съ причинами ихъ. *Университетъ* образуетъ преимущественно то, что дѣйствуетъ опредѣляющимъ образомъ *на волю*... И это истинная метода образованія умовъ, чтобы прежде всего *самые предметы* были представляемы *внѣшнимъ чувствамъ*, дабы послѣднія наблюдали вещи непосредственно;—потомъ, чтобы возбужденныя *внутреннія чувства*, запечатлѣвшія въ себѣ, чрезъ внѣшнее ощущеніе, представленія о вещахъ, навывали снова вы-

ражать и представлять ихъ предъ собою, и при этомъ—какъ внутренно въ себѣ, такъ и наружно, внѣ себя, посредствомъ *руки и языка*. Послѣ этого выступаетъ *умъ*, который посредствомъ тщательнаго разбора, сравниваетъ все между собою и взвѣшиваетъ одно относительно другаго, чтобъ научиться основательно познавать основы всѣхъ вещей, изъ чего образуются истинное *пониманіе* вещей и сужденіе о нихъ. Наконецъ *воля*—это средоточіе человѣка и руководительница всѣхъ его дѣйствій—приучается распространять въ законныхъ предѣлахъ на все свое господство. Желаніе—образовать волю прежде пониманія вещей, равно какъ—образовать разсудокъ прежде представленія, а послѣднее прежде чувствъ,—есть потерянный трудъ. Однако это дѣлаютъ тѣ, которые учатъ дѣтей логикѣ, пѣтикѣ, риторикѣ и юрикѣ прежде сообщенія имъ познаній изъ области вещественнаго и чувственнаго міра, поествуя подобно тому, кто захотѣлъ бы научить танцовать двухлѣтняго ребенка, только что пробующаго дрожащею ногою сдѣлать первый шагъ. Для насъ несомнѣнно то положеніе, что повсюду мы должны слѣдовать руководству природы; а такъ какъ природа обнаруживаетъ свои силы одну послѣ другой, то необходимо внимательно наблюдать, какъ эти силы постепенно развиваются "... (гл. XXVII).

§ 8. Высказавъ психологическія основы своего всеобъемлющаго учебнаго плана и организаціи школы, Коменскій въ подробностяхъ начертываетъ идею, характеръ, задачи и средства занятій на каждой изъ четырехъ ступеней воспитанія. Опредѣленіе и развитіе идеи школы материнской и идеи народной школы, отличаея новизною и глубиною педагогическаго пониманія, въ высшей степени поучительны и въ настоящее время и достойны полнаго вниманія. Эти планы Коменскаго положили начало всѣхъ позднѣйшихъ улучшеній въ дѣлѣ первоначальнаго обученія, начало знаменитой системы предметныхъ уроковъ и вообще элементарной методы, что считаютъ величайшимъ дѣломъ Песталоцци. Однакоже Коменскій за цѣлое столѣтіе раньше, развивая идею материнской школы, говорилъ не менѣе остроумно и прекрасно, чѣмъ Песталоцци въ своей знаменитой книгѣ: „Какъ Гертруда учитъ своихъ дѣтей“. Онъ пишетъ: „все то, чѣмъ хотимъ снабдить человѣка на всю его жизнь, мы должны насадить въ немъ

уже въ первой (материнской) школѣ. Что это возможно, откроется далѣе, когда мы рассмотримъ различные роды познаваемого. Такъ называемая метафизика вполнѣ здѣсь беретъ начало, ибо сначала малюнькимъ дѣтямъ все представляется въ общей, слитной совокупности, потомъ они замѣчаютъ, что существуетъ нѣчто, что они видятъ, слышатъ, вкушаютъ, осязаютъ, не различая еще отдѣльныхъ явленій, пока наконецъ не обнаружится способность различенія. Итакъ они усвояютъ общія понятія: нѣчто, ничто; есть, нѣтъ; такъ, иначе; гдѣ, когда и т. п. схоже, не схоже и т. п. вообще основныя понятія метафизической науки. Въ шестилѣтнемъ періодѣ времени дитя можетъ достигнуть ознакомленія съ тѣмъ, что такое вода, земля, воздухъ, огонь, дождь, снѣгъ, ледъ, камень, желѣзо, дерево, птица, рыба и т. п. Также можетъ оно научиться названіямъ и употребленію членовъ своего тѣла. Все это узнается въ дѣтствѣ легко, а между тѣмъ это уже начатки науки о природѣ. Когда дитя начинаетъ называть свѣтъ, мракъ, тѣнь, главные цвѣта—бѣлый, черный, красный, находитъ ихъ различія, то оно уже имѣетъ начало познаній въ оптикѣ. Началомъ въ астрономіи служитъ для дитяти знаніе того, что называется небомъ, солнцемъ, луною, звѣздами, и когда оно замѣчаетъ, что они ежедневно восходятъ и заходятъ. Введеніе въ географію будетъ имѣть мѣсто, когда дитя знаетъ свою колыбель, комнату, дворъ, улицу, когда научится понимать, что такое гора, долина, нива, рѣка, селеніе, мѣстечко, городъ. Основаніе для хронологіи полагается, когда дитя понимаетъ, что называютъ часомъ, днемъ, недѣлею, годомъ, зимою, лѣтомъ, вчера, третьяго дня, завтра, послѣзавтра и пр. Начало въ исторіи будетъ положено, когда дѣти въ состояніи припомнить и разсказать: что недавно случилось, какъ поступилъ тотъ или другой при томъ или другомъ случаѣ. Ариметика пуститъ свои первые корни, когда дитя пойметъ, что называется многимъ и не многимъ, когда оно можетъ сосчитать до десяти, когда оно замѣчаетъ, что три болѣе двухъ и что одинъ, приложенный къ тремъ, составляетъ четыре. Дѣти будутъ обладать основаніями геометріи, когда узнаютъ, что называютъ большимъ и малымъ, длиннымъ и короткимъ и пр., а также—что такое линія, крестъ, кругъ, уголь и когда они видятъ, какъ мѣряютъ то, или другое посредствомъ пяди, локтя, аршина и сажени. Дѣтская грамматика заключается въ томъ, чтобы дѣти пра-

вильно говорили на родномъ языкѣ. Пересказыванье маленькихъ стишковъ вызываетъ въ дѣтяхъ вкусъ къ поэзии, къ метрическому. Предоставленные дѣтямъ случаи слышать пѣніе, музыку дѣлаютъ легко то, что и они такъ-же скоро захотятъ напѣвать и наигрывать. Нѣкоторые начатки ученія объ экономіи даются дѣтямъ, когда они узнаютъ имена лицъ, изъ которыхъ состоитъ домъ, кто называется отцемъ, матерью, служанкою, рабочимъ, такъ же названія частей дома: сѣни, кухня, спальня; домашнія принадлежности: столъ, ложка, ножъ, метла и пр. Так. образ. материнская школа разовьетъ въ ребенкѣ зародыши всѣхъ наукъ и искусствъ. „Ноченіе о нравственности (иенка) должно получить здѣсь въ особенности прочное основаніе, чтобы въ хорошо воспитанномъ юношествѣ добродѣтели были какъ бы прирождены“. И Коменскій даетъ самыя практичныя наставленія, какъ приучать дѣтей къ умѣренности, терпѣнію, справедливости, почтительности, послушанію, правдивости, труду, услужливости, общественной благопристойности, опрятности, въ особенности же *любви*, которая прежде всего представляется намъ „духомъ Христовымъ“ и воспламенять къ которой дѣтскія сердца въ этомъ холодномъ эгоизмѣ міра должно быть особенно въ интересахъ воспитанія христіанскаго. Наконецъ въ изученіи религіи шестилѣтнія дѣти, исполненныя чувства благоговѣнія, любя Бога, какъ всеблагаго *Отца*, почитая, призывая и славословя Его, не опускали бы случая дѣлать все хорошее и такимъ образомъ жили бы предъ очами Бога и приучались „ходить съ Богомъ“, чтобы о христіанскихъ дѣтяхъ можно было сказать тоже, что замѣчаетъ евангелистъ о Христѣ, что онъ преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, въ любви у Бога и у челоуѣковъ“. Такъ прекрасно заканчиваетъ Коменскій свои идеи о задачахъ материнской школы, т. е. домашняго воспитанія. Для практическаго исполненія этого плана Коменскій считаетъ необходимыми слѣдующія двѣ мѣры, которыя онъ въ послѣдствіи самъ примѣнилъ къ школѣ блистательнѣйшимъ образомъ: это во первыхъ: руководство для материнской школы, которое скоро написалъ самъ Коменскій, подъ названіемъ „*Schola infantiae*“— школа дѣтства или руководство къ разумному воспитанію дѣтей въ первые шесть лѣтъ ихъ жизни, „и во вторыхъ, *книга съ картинками*, въ которой бы слѣдовало соединить наглядный матеріалъ изъ физики, оптики, астрономіи, геометріи, расположивъ это въ

порядкѣ познаваемого. Здѣсь могутъ быть нарисованы; гора, птица, лошадь и т. п., люди различнаго возраста и наружности, небо съ солнцемъ, звѣздами и облаками, главные цвѣта, принадлежности хозяйства и инструменты ремесленные,—далѣе изображенія должностей: король со скипетромъ, солдатъ съ ружьемъ, крестьянинъ съ сохой, почта въ полномъ ходу. Эту задачу самъ же Коменскій вполне осуществить въ послѣдствіи своимъ безсмертнымъ „Orbis pictus“. (гл. XXVIII).

§ 9. Что касается до идей Коменскаго о народной школѣ, то эти идеи впервые дали истинное назначеніе народной школѣ и положили такія твердыя и научныя основы, что организація народной школы нормальной и немислима въ настоящее время иначе, какъ *по идеямъ Коменскаго*. Во первыхъ по идеямъ Коменскаго все юношество извѣстнаго народа должно пройти чрезъ общественную школу, почему народная школа становится *общенароднымъ воспитательнымъ институтомъ*. Во вторыхъ, общее элементарное образованіе должно совершаться *на родномъ языкѣ*; ибо *реальное* образованіе, т. е. знакомство съ предметами для дѣтей гораздо легче, когда они пользуются названіями предметовъ на родномъ языкѣ. Да и вообще, замѣчаетъ Коменскій, моя универсальная метода требуетъ не только—обыкновенно столь любимой нимфы—латыни, но отыскиваетъ путь для равномѣрнаго усовершенствованія и *въ родномъ языкѣ* каждаго народа, что составляетъ стремленіе, которое не можетъ быть устранено произвольнымъ перескакиваніемъ чрезъ весь родной языкъ (да всякій духъ болѣе и болѣе славить Господа!). Хотѣть учить чужому языку прежде, чѣмъ дитя владѣетъ своимъ, это—тоже, замѣчаетъ педагогъ, какъ еслибы заставить мальчика бѣдить верхомъ, прежде чѣмъ онъ умѣетъ ходить. Моя метода утверждаетъ, что тотъ не можетъ учиться латыни, кто не знаетъ своего роднаго языка, такъ какъ послѣдній служитъ руководителемъ къ первой. Наконецъ цѣлью и задачей народной школы Коменскій ставитъ обученіе всего юношества до 12 или 13 года жизни тому, что *пригодно человеку на всю его жизнь*. Природа человека—вотъ та всеобщая, постоянная и неизмѣнная основа, на которой опирается и изъ которой вытекаетъ элементарный курсъ народной школы. На этой-то вѣчной основѣ Коменскій создаетъ вполне

раціональний планъ и курсъ народной школы. Пользуемся случаемъ привести здѣсь превосходный комментарий общаго очерка народной школы Коменскаго, сдѣланный С. И. Мировольскимъ въ поучительномъ трудѣ его „Народная школа по идеямъ Коменскаго.“ „Человѣкъ разумное и мыслящее существо въ родной рѣчи прежде всего выражаетъ свою внутреннюю жизнь; письменное и печатное слово есть замѣна слова устнаго, живаго. И такъ въ составъ начальной школы должны входить прежде всего по Коменскому:

I. Основательное знакомство *съ роднымъ языкомъ*, отчетливое чтеніе письменнаго и печатнаго слова.

Но развиваясь, человѣкъ естественно стремится къ сообщенію другимъ своихъ внутреннихъ состояній, наблюденій и опыта, орудіемъ чего является письмо, которое служитъ дополненіемъ изученія родной рѣчи. И такъ въ народной школѣ должно быть преподаваемо:

II. *Искусство письма* въ надлежащей постепенности, съ соблюденіемъ законовъ грамматики роднаго языка.

Умъ человѣка въ смыслѣ способности есть сила формальная, для развитія которой необходимы соответствующія средства; отсюда въ составъ курса народной школы должны входить еще:

III. *Счисленіе* на цифрахъ и счетахъ и

IV. *Геометрія*, имѣющая предметомъ своимъ протяженіе во всѣхъ его видахъ—знанія, по формальному своему свойству издревле признаваемыя основными образовательными средствами для развитія ума. Но человѣкъ состоитъ не изъ одного ума, а образованіе имѣетъ цѣлю всестороннее развитіе способностей человѣка. Онъ управляется не только разумомъ, но находится и подъ вліяніемъ *сердца*; слѣд. нужны для школы средства, которыя могли бы благотворно вліять на развитіе и этой способности: отсюда въ курсъ народной школы естественно входятъ:

V. *Пѣніе* общепотребительныхъ мелодій, *начала музыки*, съ усвоеніемъ *возможно большаго числа церковныхъ пѣсней*, дабы, будучи воспитаны для прославленія Бога, умѣли, говорить

педагогъ, словами Апостола, сами себя поучать и увѣщевать псалмами, гимнами и духовными пѣнями,—воспѣвать Бога въ сердцахъ своихъ.

Далѣе развитіе человѣка было бы одностороннимъ, еслибъ въ немъ осталась безъ воспитанія способность выбора и направленія къ дѣятельности—*воля*. Для развитія послѣдней въ курсѣ народной школы Коменскимъ естественно вносится изложеніе и усвоеніе основаній нравственной дѣятельности, именно:

VI. *Катихизисъ* въ связи съ *свящ. исторіей*, а также чтеніе и знаніе главнѣйшихъ мѣстъ Св. Писанія, выражающихъ идею нашего нравственного долга и обязанностей, а главное точное разумѣніе и начало приложенія къ жизни *нравственного ученія*, изложеннаго въ краткихъ правилахъ и разъясненнаго примѣрами, соответствующими дѣтскому пониманію.

Человѣкъ на землѣ окруженъ множествомъ разнообразныхъ условій жизни общественной, экономической. Школа готовитъ человѣка для *жизни*, должна учить его *полезному*; слѣд. сообщая человѣку общее развитіе, она должна дать ему и тѣ познанія, которыя относятся къ правамъ, обязанностямъ и положенію его, какъ члена общества: Отсюда въ программу народной школы, по Коменскому, должны войти:

VII. Свѣдѣнія *изъ науки политической экономіи* на столько, на сколько необходимо понимать явленія въ жизни домашней, общественной и государственной.

Но разумный взглядъ на все современное возможенъ хотя бы только при самомъ общемъ знакомствѣ съ *историческимъ прошлымъ*, которое обусловливаетъ явленія жизни современной. Отсюда школа должна, по Коменскому,

VIII. Познакомить учениковъ не только съ *исторіей отечественной, но и всеобщей*.

Человѣкъ живетъ среди природы и стремится къ побѣдѣ надъ ней, но невѣжественный дикарь не въ состояніи покорить природу, которой онъ боится. Отсюда вполне законно, согласно съ Коменскимъ:

IX. Сообщить *важнѣйшее изъ мировѣдѣннйя*, въ особенности о шарообразности и движеніи земли, объ океанѣ, о разнообразномъ видѣ морей, рѣкъ, о частяхъ свѣта, о главнѣйшихъ государствахъ Европы, въ особенности же о городахъ, горахъ и рѣкахъ собственнаго отечества (отечествовѣдѣніе) и иное достойное замѣчанія. Наконецъ, какъ чисто практическое дополненіе курса народной школы, Коменскій проектируетъ въ народной школѣ необходимость:

X. *Изъ ремеслъ знать важнѣйшія*, хотя бы для того, чтобы въ послѣдствіи свободнѣе проявилось природное влеченіе — къ чему каждый по преимуществу чувствуетъ склонность.

Для удобоосуществимости этого курса народной школы Коменскій указываетъ слѣдующія средства, рациональность которыхъ сама собою очевидна:

I. Курсъ элементарной школы долженъ быть раздѣленъ на шесть классовъ.

II. Для cadaго отдѣльнаго класса должны быть обработаны особыя книги, которыя исчерпывали бы все необходимое для этого класса (классныя энциклопедіи).

III. Причемъ эти педагогическія энциклопедіи различались бы между собою не столько по содержанію, сколько по формѣ; ибо всѣ онѣ должны траетовать обо всемъ. Но сначала предлагается въ нихъ болѣе общее — элементарное, болѣе извѣстное и легкое, затѣмъ дѣлается переходъ къ уразумѣнію болѣе спеціальнаго, неизвѣстнаго, труднѣйшаго или вносится новый нѣкоторый способъ разсмотрѣнія тѣхъ же вещей, представляющій духу новый интересъ.

IV. Особенно же слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы здѣсь все было приспособлено къ дѣтскому уму, который по существу своему привлекается веселымъ и радостнымъ. Слѣд. для того, чтобы сдѣлать возможнымъ для дѣтей изучить серьезное, всюду полезное должно быть перемѣшано съ пріятнымъ, дабы ихъ умы какъ бы привлекались постоянными приманками туда, куда мы хотимъ ихъ привести (гл. XXIX).

Таковъ великолѣпный проектъ новой народной школы, созданный истинно новаторскимъ гениемъ славянскаго педагога, — проектъ, котораго далеко еще не осуществила Европейская школа, но который безспорно должно признать за норму для народной школы, достойной этого названія.

§ 10. Изъ анализа идей Коменскаго о материнской и народной школахъ уже видно, что не смотря на обособленіе и индивидуализированіе четырехъ типовъ школъ, соотвѣтственно возрастамъ развитія учащихся, каждая изъ этихъ школъ сохраняетъ въ возрѣвнн Коменскаго свой общій родовой характеръ, каждая въ своей сущности есть, по выраженію Коменскаго, мастерская истинной гуманности. Одинъ и тотъ же педагогическій идеаль, осуществляясь въ этихъ различныхъ видахъ школъ, реализуется во всей своей универсальности, какъ въ различныхъ призматическихъ цвѣтахъ отражается одинъ и тотъ же свѣтовой лучъ. „Мы не желаемъ, говоритъ Коменскій, чтобы въ этихъ, хотя и различныхъ школахъ, преподавалось различное, — но всюду — одно и то же, только *различнымъ образомъ*; именно, — *все то, что въ состояніи сдѣлать человѣка истиннымъ человѣкомъ, христіанина — дѣйствительно христіаниномъ, — но соотвѣтственно ступени возраста и предшествующей, служащей поддержкой послѣдующему развитію, подготовкѣ*. Ибо учебные предметы, по законамъ естественной методы нельзя раздроблять, — напротивъ всѣ ихъ слѣдуетъ проходить всегда одновременно, подобно тому, какъ дерево растетъ всегда всѣми своими отдѣльными частями вмѣстѣ, и какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ будущемъ, такъ и въ сотомъ году. Но различіе преподаванія въ школахъ слѣдующее: *что въ низшихъ школахъ будетъ преподаваться въ болѣе общемъ видѣ и очеркахъ (элементарно), то въ высшихъ должно излагаться спеціальныя и подробнѣе*; также какъ дерево, которое съ каждымъ годомъ пускаетъ болѣе сучьевъ и вѣтвей, даетъ имъ болѣе окрѣпнуть и приносить болѣе плодовъ. И такъ воспитательное образованіе должно имѣть, по идеѣ Коменскаго, общій, общечеловѣческій характеръ, или, какъ онъ самъ выражается, *обученіе въ школахъ должно быть общее, въ школахъ необходимо учить всѣхъ всему*. И эта идея общечеловѣческаго образованія составляетъ, самое высшее достоинство педагогической системы Коменскаго, дающее

школъ, основанной на идеѣ общаго образованія *человѣка*, значеніе дѣйствительно *мастерской человѣчности*, тогда какъ до Коменскаго школы были или клерикальныя, или школы ремесленныя, или школы „ученаго цѣха“, но не школы, воспитывающія *человѣка*. Идея школы, какъ мастерской гуманности, школы такъ сказать общечеловѣческой есть созданіе славянскаго педагога и есть прямой выводъ изъ христіанскаго принципа его педагогической системы, изъ идеи объ общечеловѣческомъ назначеніи“. Мудро сказала тотъ, пишетъ Коменскій, кто сказалъ, что школы суть мастерскія гуманности (*scholas esse humanitatis officinas*), ибо онѣ должны стараться, чтобы люди дѣйствительно становились людьми... Это совершится, если школы будутъ заботиться образовывать людей— *мудрыхъ душою, разсудительныхъ въ поступкахъ и благочестивыхъ сердцемъ*. И—я называю школу совершенною и соотвѣтствующею своей цѣли ту, которая есть истинная мастерская гуманности, т. е. въ которой духъ учащагося проникается свѣтомъ мудрости, успѣшно стремится постигнуть все сокровенное и явное, гдѣ сердце и его стремленія достигаютъ полной гармоніи съ добродѣтелью, привлекается божественною любовью и наполняется ею такъ, что уже здѣсь, подъ небомъ, всѣ врученныя христіанскимъ школамъ, пріучаются вести небесную жизнь; словомъ, гдѣ *всѣ обучаются всему совершенно* (гл. XI), Итакъ вообще и безъ всякаго исключенія должно стремиться, что бы въ школахъ, а при посредствѣ школъ и во всей жизни: 1, развивались природныя дарованія, 2, усовершенся даръ слова, 3, образовывались нравы для всего честнаго и наконецъ 4, утверждалось бы искреннее благочестіе. Вотъ смыслъ знаменитаго и по видимому парадоксальнаго положенія Коменскаго, что въ школахъ должно учить *всѣхъ всему* (*in scholis omnes omnia docendos esse*). *Всѣхъ учить всему*, комментируетъ самъ Коменскій, это не значитъ, что будто мы требуемъ отъ *всѣхъ* знанія *всѣхъ наукъ и искусствъ* и притомъ знанія *полнаго и глубокаго*: это было бы бесполезно, да и не возможно. Но необходимо, чтобъ всѣ учились разумѣть основанія, законы и цѣли всего, что есть и совершается вокругъ, на сколько это необходимо въ жизни *человѣка*, ибо люди посылаются въ свѣтъ, чтобъ быть не только зрителями, но и дѣятелями, т. е. разумными существами, покоряющими себѣ природу, самовладыками, созданіями, существующими въ славу своего Творца. А эта

цѣль достигается, когда разумъ человѣка будетъ просвѣщенъ, воля и сердце укрѣпится въ добръ и религиозныхъ стремленіяхъ къ Богу (гл. X). Основатель школы съ общечеловѣческимъ ея характеромъ, какъ *мастерской челоѣчности*, съособенною, впрочемъ вездѣ ему свойственную сложную аргументаціей и съ философскимъ глубокомысліемъ, развиваетъ идею о *необходимости общаго образованія*. Онъ выводитъ ее съ одной стороны изъ объективныхъ свойствъ предметовъ образованія, съ другой изъ анализа челоѣческой воспитываемой природы. Если челоѣкъ долженъ стать въ гармоніи со всѣмъ существующимъ, то его должно научить *познать* то, что представляется наблюденію его на этой удивительной сценѣ міра, научить *поступать* такъ, какъ онъ долженъ вести себя, согласно съ чудеснымъ мировымъ порядкомъ, наконецъ, научить *наслаждаться* тѣмъ, что ему, какъ другу и гостю въ своемъ домѣ—въ этомъ мірѣ всеблагой Творецъ щедрою рукою предлагаетъ для счастья здѣсь и въ вѣчности.— *Существо души* нашей состоитъ въ единствѣ трехъ силъ—способностей познанія, воли и совѣсти. *Познавательная способность* извѣдываетъ различія вещей до всѣхъ малѣйшихъ частныхъ. Воля проявляетъ себя въ желаніяхъ по отношенію къ вещамъ, въ выборѣ полезныхъ и удаленіи вредныхъ. *Совѣсть* напоминаетъ душѣ о ея зависимости отъ Бога и о ея обязанностяхъ. Слѣд. чтобы упомянутыя силы могли надлежащимъ образомъ исполнять свои отправленія, челоѣкъ долженъ быть хорошо наученъ тому, что *просвѣтляетъ разсудокъ, направляетъ волю и пробуждаетъ совѣсть*. А какъ всѣ эти силы не могутъ быть разъединяемы, составляя *одну* и ту же душу, то точно также не должны быть раздѣляемы и эти три украшенія души: *образованіе, добродѣтель и благочестіе*. Насчастный разладъ, когда названныя свойства не соединены взаимно прочными узами. Злополучно обученіе, которое не ведетъ къ добрымъ нравамъ и благочестію. Ибо чего стоитъ научное образованіе безъ нравственныхъ правилъ? Кто пренебрегаетъ въ наукахъ, а въ нравахъ отстаесть, тотъ больше подается назадъ, чѣмъ идетъ впередъ.

§ 11. Идея общечеловѣческаго образованія имѣетъ то великое практическое значеніе, что школа, основанная на этой идеѣ, какъ мастерская истинной челоѣчности, должна стать достояніемъ

для всѣхъ, должна быть *обще-образовательнымъ учрежденіемъ*, необходимымъ для всѣхъ. Если школа есть мастерская человѣчности, если ея истинное назначеніе образовать и воспитать истиннаго человѣка, то само собою слѣдуетъ отсюда, что воспитаніе и образованіе должно быть не только естественнымъ *правомъ* всѣхъ, но и *долгомъ* всеобщимъ. Въ отношеніи къ праву и долгу воспитанія, какъ въ отношеніи къ правамъ и обязанностямъ благодатнаго возрожденія, не можетъ быть различія, выражаясь словомъ Апостола учителя народовъ, между іудеемъ и эллиномъ, между рабомъ и свободнымъ, между мужчиною и женщиною. Школа до Коменскаго, какъ мы замѣтили, была школою привеллигированныхъ. Школа Коменскаго есть школа всѣхъ, какъ общенародное учрежденіе. Гораздо ранѣе Шлейермахера, провозглашавшаго всеобщность школы, будто какъ *новую истину*, славянинъ Коменскій пишетъ: не только дѣти богатыхъ и знатныхъ лицъ, но одинаково дѣти знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, мальчики и дѣвочки—всѣ безъ всякаго исключенія должны быть образуемы въ школахъ. И не только высказалъ это положеніе, но и возвелъ его, съ свойственною ему идеальной *высокою* воззрѣнія, къ основному педагогическому принципу, или идеѣ о *человѣческомъ достоинствѣ* и назначеніи. „Кто родился *человѣкомъ*, тотъ родился для той же главной цѣли—*быть человекомъ*. Но воспитаніе и образованіе есть такое назначеніе и право *человѣка*, подъ условіемъ котораго только и возможно истинно *человѣческое существованіе* и *усовершенствованіе*. Всѣ люди созданы быть разумными созданіями, подобіемъ Божіимъ. Итакъ всѣ должны стремиться къ тому, чтобы получить правильное образованіе въ наукѣ, добродѣтели и религіи, могли съ пользою провести жизнь настоящую и приготовиться къ будущей. Предъ Богомъ всѣ равны. Поэтому, если мы станемъ допускать къ развитію ума только нѣкоторыхъ, а другихъ отстранять, то будемъ несправедливы не только къ соучастникамъ нашей общей природы, но и къ самому Богу, который хочетъ быть познаваемъ, любимъ и почитаемъ всѣми, на комъ Онъ напечатлѣлъ свой образъ. Школа должна быть подобна солнцу, которое освѣщаетъ, согрѣваетъ и оживляетъ всю землю, дабы все, что можетъ жить, зеленѣть, цвѣсти и приносить плодъ, все бы жило, зеленѣло цвѣло и плодоносило. Коменскій съ особенною настойчивостію доказываетъ основной педагоги-

ческій постулять, что всякое человѣческое существо есть существо воспитывающееся, могущее и долженствующее быть воспитываемымъ. Тотъ фактъ, говорить онъ, что нѣкоторыя дѣти отъ природы являются бездарными и тупыми, не можетъ служить этому препятствіемъ, ибо общее образованіе ума направлено именно къ устраненію тупости и исправленію этого недостатка. Нельзя и найти столь несчастныя способности, чтобы образованіе рѣшительно не привело ихъ ни къ какому улучшенію. Изъ опыта же извѣстно, что когда люди, отъ природы вялой воспримчивости, обращались къ наукамъ, то настолько успѣвали, что превосходили и талантливыхъ. Неумимый трудъ все превозмогаетъ. Многіе, рано развиваясь, скоро истощаются и впадаютъ въ тупоуміе, между тѣмъ какъ другіе сначала являются туповатыми, затѣмъ поощряются и достигаютъ прочнаго развитія. Въ садахъ мы любимъ не только такія деревья, которыя приносятъ ранніе плоды, но и такія, которыя созрѣваютъ въ позднюю пору. Почему же въ научномъ саду будемъ насаждать мы дарованія— только скороспѣлыя? Никто да не устраняется отъ школы! „Что же будетъ, если все стануть учеными?“ Будетъ то, отвѣчаетъ великій педагогъ, что если правильно будетъ введено это всеобщее образованіе юношества, то никто не будетъ имѣть недостатка въ предметахъ для разумнаго размышленія, выбора, соревнованія и труда. И посреди трудовъ и тягостей все будутъ успокаивать себя созерцаніемъ дѣлъ Божіихъ и устраивать праздность, опасную для плоти и крови, чтеніемъ Библии и другихъ хорошихъ книгъ и т. обр. пріятнѣе проводить эту жизнь, полную невзгодъ, и съ желаніемъ и вѣрною надеждою взирать на будущую. Не можемъ не указать при этомъ, что Коменскій и за двѣсти лѣтъ ясно сознавалъ и настойчиво защищалъ необходимость *женскаго образованія* наравнѣ съ мужскимъ. Не можетъ быть приведено, говорить Коменскій, достаточныхъ основаній, чтобы устранить женскій полъ (на чемъ я *въ особенности останавливаю вниманіе*) отъ изученія мудрости. Ибо женщины, какъ и мужчины, созданы по образу и подобию Вожію, одинаково одарены живымъ и воспримчивымъ для мудрости умомъ, (даже болѣе, чѣмъ нашъ полъ), одинаково открытъ имъ доступъ къ высокимъ призваніямъ, такъ какъ и самъ Богъ часто избиралъ женщинъ для управленія народовъ, для служенія врачебному искусству и другихъ полезныхъ

человѣческому роду дѣлъ. Зачѣмъ же устранять ихъ отъ солиднаго образованія?—Такъ славянскій геній превосхитилъ идею, которую напрасно приписываютъ нашему вѣку современные защитники женскаго образованія. Впрочемъ, славянскій педагогъ совѣтуетъ не всякую книжную дребедень предлагать женщинамъ, равно какъ и юношеству другаго пола, чего до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не избѣгали болѣе предусмотрительно,—но давать такія книги, изъ которыхъ они могли бы всегда черпать вмѣстѣ съ истиннымъ познаніемъ Бога и его твореній—также истинную добродѣтель и благочестіе. Мы совѣтуемъ, говоритъ далѣе Коменскій, обучать женщинъ (какъ и мужчинъ) не для удовлетворенія пустатаго любопытства, но для добродѣтели и общей пользы. Это въ особенности имъ необходимо знать и умѣть, а затѣмъ знать и то, что относится къ разумному веденію хозяйства и къ содѣйствію благосостоянію семьи.... (гл. XI).

§ 12. Провозглашая съ особенною настойчивостію идею всеобщности школы и общаго образованія, Коменскій глубоко понимаетъ значеніе различія индивидуальныхъ особенностей въ природныхъ особенностяхъ дѣтей и согласно съ этимъ—необходимость индивидуализаціи воспитательныхъ способовъ въ дѣлѣ образованія, которая не отрицаетъ всеобщности воспитательнаго принципа, но представляетъ важнѣйшее педагогическое средство къ осуществленію этого принципа. Если различны природныя качества травъ, деревьевъ, животныхъ, и одно требуетъ одного обращенія, другое другаго, и не все въ равной мѣрѣ допускаетъ одинаковое употребленіе; то тоже самое, говоритъ Коменскій, относится и къ природнымъ способностямъ людей. Хотя и нѣтъ недостатка въ счастливыхъ талантахъ, способныхъ во все проникнуть; но нѣтъ также недостатка и въ такихъ, которые въ извѣстныхъ предметахъ до изумленія слабы и тяжелы въ понятіяхъ. Иной—орелъ для умозрительныхъ наукъ, для практическихъ же занятій пригоденъ столько же, сколько осель для игры на лютнѣ. Другой способенъ во всемъ вещамъ, но только не къ музыкѣ, что въ другихъ опять встрѣчается въ приложеніи къ математикѣ, къ поэзіи и т. д. Что дѣлать? *Хотѣтъ направлять природу туда, куда она сама не влечется, значитъ хотѣтъ спорить съ ней и составляетъ дѣло бесполезныхъ усилій.* Такъ какъ учи-

тель есть служитель природы, а не господинъ, ея ваятель, ея преобразователь, то пусть не принуждаетъ онъ насильственно, когда видитъ, что кто нибудь изъ учениковъ принимается за что либо безъ всякой къ тому способности. *И если бы ни одного ученика не принуждали ни къ чему противъ его воли, то не существовало бы ничего, что возбуждало бы въ комъ нибудь отвращеніе и притупляло духовныя силы.* Безпрепятственно пусть каждый приступаетъ къ тому, къ чему, по волѣ небснаго Провидѣнія, влечетъ его сокровенно естественное стремленіе и со временемъ, будучи на своемъ мѣстѣ онъ съ большею пользою послужить Богу и человѣчеству. Такъ разумно и основательно устанавливаетъ великій педагогъ требованіе соображать ходъ и приемы образованія съ личностію ученика т. е. со степенью его воспримчивости, съ его силами, характеромъ и природными склонностями, согласуя и основывая это требованіе на основномъ началѣ воспитанія, сообразнаго съ природою, въ которой въ свою очередь выражается воля Небснаго Провидѣнія о призваніи человѣка! Коменскій однакожь не ограничивается только теоретическимъ установленіемъ индивидуализаціи обученія и воспитанія, но и даетъ практическіе совѣты въ приложеніи этого начала къ различнымъ природнымъ дарованіямъ и особенностямъ учениковъ.— Указанія его въ рѣшеніи этой труднѣйшей и доннынѣ педагогической проблемы, не смотря на краткость ихъ, достойны особеннаго вниманія. „Однѣ натуры, пишетъ онъ, бываютъ *остры*, другія—*тупы*, третьи—*мяжки и податливы*, четвертыя *упрямы* и непокорны, тогда какъ еще инныя сами по себѣ *стремятся къ наукамъ*, или находятъ болѣе удовольствія въ механическихъ занятіяхъ. Изъ этого различія индивидуальныхъ природныхъ способностей—возникаетъ необходимость *различія въ способахъ* обращенія съ природными особенностями юношества. Во первыхъ, что касается натуръ съ острымъ умомъ, любознательныхъ, способныхъ къ образованію и сравнительно съ другими болѣе склонныхъ къ занятіямъ науками, то имъ нужно только предлагать пищу мудрости, развиваются же онѣ подобно благороднымъ растеніямъ. Но надобно предусмотрительно не позволять имъ слишкомъ торопиться, дабы чрезъ то раньше времени имъ не ослабѣть и не истощиться. Во вторыхъ, натуры остроумныя, но медленныя, хотя и послушныя, нуждаются въ поощреніи. Въ третьихъ, натуры да-

ровитыя, но при этомъ дерзкія и непокорныя, которыхъ обыкновенно въ школахъ считаютъ „отпѣтыми,“ даютъ великихъ людей, если только съ ними обращаются надлежащимъ образомъ. Примѣръ представляетъ собою великій Эмистоклъ, который самъ выразился о сѣбѣ, когда удивлялись перемѣнѣ его непокорнаго въ юности нрава: „дикіе жеребцы бывають лучшими конями, если съ ними поступаютъ надлежащимъ образомъ.“ Коменскій приводитъ при этомъ извѣстное сказаніе о Буцефалѣ Александра Великаго. Когда Филиппъ призналъ негоднымъ этого дикаго коня, Александръ сказалъ: какую прекрасную лошадь портятъ люди, не умѣющіе владѣть ею по своей неловкости! И принявшись за нее съ удивительнымъ искусствомъ, безъ побоевъ—онъ приобрѣлъ надъ нею полную власть и потомъ въ цѣломъ свѣтѣ едва ли можно было отыскать другую болѣе благородную лошадь, достойную столь великаго героя. Передавая этотъ разсказъ, Коменскій приводитъ весьма поучительное замѣчаніе Плутарха, который по поводу этого разсказа пишетъ: „эта лошадь приходитъ намъ на память, что много хорошихъ одаренныхъ головъ пропадаетъ отъ ошибокъ воспитателей, которые коней обращаютъ въ ословъ, не умѣя управлять свободными и сознающими свое достоинство людьми“. Въ четвертыхъ, послушныя и въ тоже время любознательныя натуры, но медленныя и туповатыя, хотя позднѣе достигаютъ своей цѣли, за то прочнѣе держатся на ней, какъ это бываетъ съ поздними плодами. И какъ печать труднѣе оттискивается на свинцѣ, чѣмъ на воскѣ, но за то и крѣпче держится, такъ люди подобнаго рода нерѣдко обладаютъ большею крѣпостію способностей удерживать то, что они однажды усвоили, чѣмъ талантливыя. Поэтому, замѣчаетъ Коменскій, исключать ихъ изъ школы не слѣдуетъ и въ отношеніи обращенія съ такими натурами указываетъ истинно-педагогическій способъ, состоящій въ томъ, чтобы не обременяя ихъ чрезмѣрно тяжестью, избѣгалъ рѣзкихъ порицаній, но относаясь къ нимъ доброжелательно, ободряя и вселяя въ нихъ мужество, умѣть возбуждать ихъ силы, помогать имъ, выражаясь языкомъ Сократа, посредствомъ духовнаго акушерства, въ ихъ болѣзненныхъ и тяжелыхъ умственныхъ родахъ и съ любовью воспринимать всякій успѣхъ и плодъ ихъ умственнаго рожденія. Наконецъ и въ возможности перерожденія, посредствомъ образованія, даже отъ природы тупоумныхъ, извра-

щенныхъ, злобныхъ и испорченныхъ натуръ великій педагогъ— гуманистъ не сомнѣвается, и то, что предлагаетъ онъ по отношеніи къ этимъ несчастнымъ натурамъ, проникнуто, можно сказать, религиознымъ убѣжденіемъ въ силѣ воспитанія и глубочайшимъ духомъ христіанской любви, которыми должна вдохновляться истинно воспитательная дѣятельность. Какъ въ природѣ существуетъ противъ всякаго яда противоядіе, и какъ не плодоносныя деревья при надлежащей посадкѣ и уходѣ могутъ сдѣлаться плодоносными; такъ и тутъ не должно отчаиваться, а слѣдуетъ неуклонно бороться и заботиться... Въ этихъ идеяхъ, (говоритъ справедливо С. И. Миропольскій), славянскій педагогъ является провозвѣстникомъ того гуманнаго принципа, который только въ наше время создалъ воспитательныя заведенія для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, идіотовъ, еумасшедшихъ и преступниковъ. Различіе въ дарованіяхъ Коменскій признаетъ не за иное что, какъ только за отклоненіе или недостатокъ естественной гармоніи, въ томъ же родѣ, какъ болѣзни тѣла представляютъ нарушеніе гармоніи его составныхъ частей. Какъ для тѣла наиболѣе полезны не тѣ врачебныя средства, которыя къ одной крайности присоединяютъ другую, но тѣ, которыя уравниваютъ крайности, чтобы на одной сторонѣ не было недостатка, а на другой излишка; такъ и пригоднѣйшимъ средствомъ противъ отклоненій ума будетъ такая метода, съ помощью которой умѣрялись бы излишества, а недостатки въ характерахъ пополнялись бы, и все приводилось бы въ естественную гармонію. Слѣдуя этому началу предлагаемая нами метода, говоритъ Коменскій, приспособляется къ среднимъ дарованіямъ, составляющимъ огромное большинство, умѣряя природы быстрыя, которыя для предупрежденія преждевременнаго истощенія нуждаются въ задержкѣ, а для болѣе медленныхъ натуръ, нуждающихся въ поощреніи, служа шпорами и стимуломъ. Но предупреждать излишекъ или недостатокъ въ природныхъ дарованіяхъ всего лучше, пока они свѣжи т. е. пока они не укоренились. Сущность всего сказаннаго, заключаетъ Коменскій, можетъ быть выражена словами Плутарха: „То, какими родятся дѣти, независимо отъ человѣка, но сдѣлать ихъ посредствомъ правильнаго воспитанія добрыми, это въ нашей власти.“ Возможность образовать все юношество при всѣхъ его столь различныхъ природныхъ задаткахъ для одной и той же цѣли Коменскій основыва-

ваетъ на томъ всеобщемъ, антропологическомъ и слѣд. естественномъ принципѣ, что всѣ люди, какъ бы не различались въ своихъ индивидуальныхъ дарованіяхъ, имѣютъ одинаковую человѣческую натуру, снабженную одинаковыми органами развитія (гл. XII).

§ 13. Такимъ образомъ эти краткія, но глубоко вѣрные замѣчанія Коменскаго объ индивидуализаціи образовательно-воспитательныхъ способовъ, примѣнительно къ естественнымъ свойствамъ воспитываемыхъ, суть практическія примѣненія общей педагогической великой доктрины, основы которой ясно сознаны были впервые философско-педагогическимъ гениемъ эллина Сократа, систематическое же развитіе и научное истолкованіе которой совершено гениемъ славянина Коменскаго. Эта великая доктрина, этотъ основной принципъ педагогики и школы—состоитъ въ томъ, что воспитаніе и образованіе человѣка въ своихъ методахъ должно сообразоваться съ законами естественнаго процесса развитія человѣческой природы или какъ формулируетъ этотъ основной принципъ педагогики и школы самъ Амосъ Коменскій: *правильный порядокъ школы—метода воспитанія и обученія—долженъ быть заимствованъ отъ природы, ибо искусство не можетъ сдѣлать ничего больше, какъ только подражать природѣ* (гл. XIV). Тотъ порядокъ, который мы хотѣли бы принять за основную идею для искусства всему учить и учиться, не можетъ и не долженъ быть заимствованъ не изъ какого иного источника, какъ отъ самой учительницы—природы, настойчиво утверждаетъ великій педагогъ. Если это будетъ строго установлено, то искусство будетъ идти также легко и свободно, какъ легко и свободно совершается все естественное. Наблюдая процессы, которые совершаетъ природа, я надѣюсь утвердить убѣжденіе, что такимъ именно образомъ должно и намъ поступать. Во имя Бога, мы приступаемъ къ отысканію основаній, на которыхъ, какъ на незбылемыхъ утесахъ, могла бы быть построена система ученія и обученія.“

По свойству своего глубоко-философскаго универсальнаго ума, возводя педагогическій принципъ естественнаго развитія, управляемаго внутренними законами человѣческаго существа, къ *идеѣ міроваго, общаго всему совершающемуся въ природѣ, закона естественнаго развитія*, Коменскій въ своей великой дидактикѣ анализируетъ и истолковываетъ этотъ общій принципъ въ точ-

ныхъ и конкретныхъ, опредѣленныхъ формулахъ основныхъ законовъ естественнаго развитія, построя параллельную имъ систему правилъ или основаній (Fundamenta) воспитывающаго обученія, такъ что характеръ и распредѣленіе методовъ образованія приведены въ полную гармонию и соотвѣтствіе съ порядкомъ и формою естественнаго развитія самихъ способностей. Эти общіе основныя законы обученія разработаны въ подробностяхъ и превращены въ полную систему раздѣльныхъ основоположеній, такъ что въ великой дидактикѣ Коменскаго педагогическій міръ впервые получилъ *научную теорію*, на которой должно быть основано *искусство* наилучшаго воспитанія человѣка. По справедливому замѣчанію покойнаго профессора П. Д. Юркевича, основныя законы воспитательнаго обученія развиты и выражены Коменскимъ въ такой полнотѣ и съ такимъ глубокимъ пониманіемъ основаній, что въ этомъ отношеніи вся послѣдующая и современная педагогика получила очень незначительныя и второстепенныя приращенія. Достаточно напомнить, что знаменитыя дидактическія правила Дистервегова Wegweiser—а составляютъ только частію дословное (verbatim) повтореніе, а частію комментарий основныхъ правилъ обученія, необыкновенно полно, логично и по истинѣ мастерски изложенныхъ въ XVI, XVII, XVIII и XIX главахъ великой дидактики Коменскаго. Мы постараемся изложить здѣсь духъ этихъ законовъ по возможности словами самого великаго педагога.

Стави задачей обученія—положительныя, вѣрные результаты его или успѣхъ навѣрно и характеризую такое обученіе тремя существенными качествами его: легкостію, скоростію и основательностію, Коменскій начинаетъ изложеніе общихъ условій такого обученія слѣдующими возвышенными словами: „въ Евангеліи находитесь слѣдующая прекрасная притча І. Христа: Царствіе Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю—и спитъ, и вѣтаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, онъ не знаетъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ“. Такъ и тѣ, которые обучаютъ юношество, должны прилагать стараніе особенно къ тому, чтобъ *разумно* вѣдрять въ умъ сѣмена знаній и своевременно орошать влагой Божьей растеньица; преуспеянiе же

и возрастаніе ихъ приходитъ *свыше*... А такъ какъ „искусство духовнаго насажденія“ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ точнымъ приспособленіемъ пріемовъ этого искусства къ законамъ дѣйствій природы, то теперь мы укажемъ нуть природы, чтобы найти прочныя основанія для того, чтобы это искусство (обученіе) навѣрное шло съ успѣхомъ безъ неудачъ.

§ 14. Необходимость прежде обученія въ умственной подготовкѣ учащихся,—необходимость идти въ обученіи отъ элементарнаго (общаго) къ частному, къ подробностямъ, отъ болѣе легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, ученіе не по принужденію, но по свободному стремленію ума, сообразно возрасту учащихся—все эти столь раціональныя правила воспитательнаго обученія не только созданы Коменскимъ, но развиты, выведены изъ основаній и высказаны съ необыкновенно мѣткимъ примѣненіемъ къ дѣлу. Природа, говоритъ Коменскій, такъ предрасполагаетъ сначала вещество, чтобы оно *стремилось* къ усвоенію формы. Поэтому со вредомъ для дѣтей поступаютъ, когда насильно принуждаютъ ихъ къ ученію. Если желудокъ, не имѣя аппетита, принимаетъ пищу, и ее заставляютъ насильственно принимать, то въ результатъ не будетъ ничего другаго, какъ тошнота и рвота, или, по крайней мѣрѣ, дурное пищевареніе и нездоровье. Напротивъ, что принимаетъ голодный желудокъ, то, съ удовольствіемъ воспринимая, хорошо перевариваетъ и все превращаетъ въ кровь и мясо. Потому Квинтиллианъ справедливо говоритъ: „ученіе заключается въ желаніи учиться, чего нельзя достигнуть принужденіемъ.“ И такъ должно всеми средствами возбуждать въ дѣтяхъ расположеніе къ знанію и охоту къ ученію. Способъ обученія долженъ облегчать трудъ, дабы не было того, что не нравилось бы ученикамъ и отвращало бы ихъ отъ дальнѣйшихъ занятій. Расположеніе же и охота къ ученію возбуждается и поддерживается самими учителями, если они снисходительны и ласковы съ учениками, если не отвращаютъ отъ себя сердца ихъ своимъ мрачнымъ характеромъ, но привлекаютъ къ себѣ отеческимъ расположеніемъ, манерами, словами; однимъ словомъ, если обращаются съ дѣтьми дружески и ласково, то легко расположатъ къ себѣ сердца ихъ, такъ что дѣти охотнѣе, можетъ быть, будутъ оставаться въ школѣ, чѣмъ дома. Самая школа должна быть

пріятнымъ мѣстомъ, привлекательнымъ для дѣтей. Внутри она должна представлять свѣтлое, чистое помѣщеніе, по всюду украшенное картинами, портретами, ландкартами, изображеніями историческихъ событій или образчиками орнаментовъ. Въ же школы должно находиться просторное *мѣсто* для прогулокъ и игръ, и кромѣ того *садъ*, куда слѣдуетъ пускать учениковъ, вызывая въ нихъ наслажденіе видомъ деревьевъ, цвѣтовъ и растеній. — Далѣе, предметы обученія привлекаютъ дѣтей, если они соотвѣтствуютъ познавательной силѣ извѣстнаго возраста и сопровождаются иногда веселыми, но всегда занимательными объясненіями. Метода же преподаванія, будучи естественною, должна сама собою вызывать охоту къ ученію. Эта метода особенно привлекаетъ умы, когда она благоразумно смягчена такъ, чтобы все, даже и серьезное преподавалось дружескимъ, разговорнымъ образомъ, въ формѣ живой бесѣды, или задачъ, — въ формѣ загадокъ, притчей и басенъ. Для умовъ дѣтскихъ будетъ насиліемъ, если ихъ будутъ направлять на вещи, до пониманія которыхъ они еще не доросли ни по возрасту, ни по силѣ пониманія; если задаютъ выучивать что нибудь на память, что не было предварительно разобрано въ частностяхъ, объяснено и усвоено. Жестокъ тотъ учитель, который задаетъ ученикамъ работу, не объяснивъ имъ достаточно напередъ, о чемъ идетъ дѣло, не показавъ имъ, какъ она должна быть выполнена, и ни мало не подмогая имъ при ихъ попыткахъ самъ же выходить изъ себя, когда они не хорошо исполняютъ работу. Что же это, какъ не пытка для учениковъ. Это тоже самое, какъ если бы няня вздумала принуждать своего питомца бѣгать скоро, когда онъ еще боится стоять на ногахъ и за его неумѣнье бѣгать набросилась бы на него съ колотушками. Итакъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ допускать *побоевъ* для побужденія къ ученію; ибо если ученикъ не учится, то чья же это вина, какъ не учителя, который или не умѣетъ, или не старается вселить въ ученика охоту къ ученію? Не слѣдуетъ *начинать* обученія прежде, чѣмъ возрастъ и уметвенная сила ребенка не только позволяютъ, но даже потребуютъ ученія. Ничего не слѣдуетъ заучивать на память, что не было бы вѣрно понято разсудкомъ. Также ничего не слѣдуетъ требовать отъ памяти ребенка, прежде чѣмъ убѣдимся, что требуемое можетъ быть удержано памятью. Молодыя силы требуютъ поддержки, а не

угнетенія, и образователь юношества, подобно врачу, есть только слуга природы, а не господинъ ея. Только тотъ создастъ легкость ученія и разовьетъ охоту къ нему, кто упражняетъ память только существеннымъ, предоставляя остальное свободному усвоенію, кто все постепенно увеличиваетъ, соображаясь со степенью воспримчивости, которая возрастаетъ сама по себѣ, по мѣрѣ возраста ученика и дальнѣйшаго успѣха обученія. То, что ученики должны выучить и усвоить, слѣдуетъ имъ излагать и объяснять съ такою ясностію, чтобъ они имѣли свой урокъ предъ собою, какъ свои пять пальцевъ. А это достигается легче, если все преподается при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ. Какъ нужно постоянно соединять слухъ со зрѣніемъ, слово съ осязаніемъ. То, что ученики должны усвоить, слѣдуетъ имъ не только разказать, чтобъ оно проникло въ ихъ уши, но и нарисовать, чтобъ оно запечатлѣлось въ воображеніи съ помощію глазъ. А вслѣдъ затѣмъ поняное ученики должны выговаривать вслухъ (языкомъ) и воспроизводить (руками), дабы не передавался ни одинъ предметъ прежде, чѣмъ онъ достаточно не запечатлѣлся въ глазахъ и въ ухахъ, въ умѣ и въ памяти ученика.—Природа идетъ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному. Таковъ естественный ходъ и въ обученіи. Превратно поступаютъ, когда въ школахъ учатъ неизвѣстному посредствомъ столь же неизвѣстнаго, когда напр. начинающимъ изучать латинскій языкъ сообщаютъ правила на латинскомъ же языкѣ, а не на родномъ, тогда какъ послѣдній, какъ болѣе извѣстный, долженъ служить при изученіи перваго естественнымъ пособіемъ. Вообще матеріаль учебный долженъ такъ группироваться, чтобъ ученики научились сначала познавать ближайшее къ нимъ, потомъ не далеко лежащее, послѣ отдаленное и, наконецъ, самое отдаленное. По этому, если ученикамъ преподается напр. логика, риторика, то пояснять ихъ слѣдуетъ не такими примѣрами, которые далеко отъ познавательныхъ силъ учениковъ напр. политическими, поэтическими и т. п., но такими, которые были бы заимствуемы изъ окружающей ихъ жизни. Вообще же при обученіи сначала должны быть упражняемы внѣшнія чувства (ибо это всего легче) учениковъ, потомъ память, далѣе пониманіе и наконецъ сужденіе. Такимъ только путемъ соблюдается постепенная послѣдовательность: *ибо всякое знаніе беретъ свое начало въ созерцаніи посредствомъ внѣш-*

нихъ чувствъ, потомъ переходитъ чрезъ воображеніе въ память, чрезъ разсмотрѣніе частностей образуется далѣе разумнѣе сложнаго понятія и, наконецъ, изъ достаточно познанныхъ вещей, какъ завершеніе знанія, возникаетъ сужденіе.

§ 15. Эта психическая послѣдовательность требуетъ въ обученіи идти отъ чувственно-конкретнаго созерцанія къ рационально-абстрактному пониманію и обобщеніямъ. *Природа приготовляетъ для своего развитія матеріалъ раньше, чѣмъ приступаетъ къ образованію ему формы...* Въ школахъ не соблюдается этого естественнаго порядка, чтобы сперва сообщать матеріалъ, а за нимъ давать уже форму. Классификація вещей предшествуетъ повсюду въ школьныхъ книгахъ самимъ вещамъ, хотя и невозможно организовать порядокъ тамъ, гдѣ еще не все, что приводится въ порядокъ, имѣется на лицо. Обучаютъ *рѣчи* раньше *вещей*. Цѣлые годы проводятъ надъ чисто словесными упражненіями, ученики пріобрѣтаютъ только форму, а не содержаніе. Ибо сущность знанія—предметъ есть вещь, а слово—случайное, вещь есть тѣло, слово—одежда, вещи—ядро, слова—скорлупа и шелуха. Поэтому вещь и слово должны изучаться параллельно; но на *первомъ мѣстѣ—вещь*, именно, какъ предметъ для познанія и для рѣчи. Далѣе изучая науки, предпосылаютъ правила въ отвлеченной формѣ и затѣмъ уже разъясняютъ ихъ приводимыми примѣрами, хотя совѣтъ долженъ предшествовать тому, что ему назначено освѣщать. Поэтому метода преподаванія въ самомъ основаніи должна быть радикально измѣнена: надобно переходить отъ изученія вещей къ словамъ—языку, чтобы образовать разумѣніе прежде рѣчи, отъ конкретнаго—къ абстрактному: реальныя знанія предпосылаютъ формальнымъ-рациональнымъ; частныя примѣры предпосылаютъ отвлеченнымъ понятіямъ и правиламъ. Природа не смѣшивается въ своихъ дѣятельностяхъ, но раздѣльно развивается въ каждой своей части, не дѣлаетъ скачковъ, но идетъ постепенно впередъ. И въ школьномъ обученіи все должно быть сообщаемо постепенно, безъ перерывовъ и скачковъ, одно знаніе за другимъ, а никакъ не все разомъ. Господствующее заблужденіе школъ состоитъ въ томъ, что онѣ стремятся набивать головы учениковъ множествомъ предметовъ сразу. Однакоже, если въ преподаваніи поступаютъ вопреки природѣ постепенно развивающагося

ученика, то обученіе будетъ не пособіемъ къ развитію способностей, но подавленіемъ этихъ способностей чрезъ излишнее напряженіе ихъ. Поэтому въ школахъ въ одно время должно учить только чему нибудь одному. „Развитіе молодой птицы имѣетъ свои ступени, которыя нельзя ни перескочить, ни переставить, пока наконецъ птичка не пробьетъ стѣнки своей кельи и не выйдетъ изъ нея. Когда это совершится, мать не заставляетъ дѣтенышей тотчасъ же летать... Когда птенчикъ покроется перьями, то и тогда она не съ разу гонитъ его изъ гнѣзда, но приучаетъ его мало по малу сначала въ самомъ гнѣздѣ расправлять крылышки, потомъ взбираться на край гнѣзда и взмахивать крыльями, а наконецъ приучаетъ его летать и внѣ гнѣзда, но все еще вблизи, сначала съ одной вѣтки на другую, съ дерева на дерево. Послѣ такой подготовки—птенчикъ можетъ съ увѣренностію пуститься въ открытое небо. Смотрите, каждая изъ этихъ ступеней требуетъ своего опредѣленнаго времени, и не только времени, но и постепенности, и не только постепенности, но и неизмѣнной послѣдовательности ступеней! Очевидно, какъ неразумно поступаютъ въ школахъ, когда располагаютъ учебный матеріалъ не такъ, чтобы постепенно одно знаніе слѣдовало за другимъ и пролагало дорогу къ послѣдующему и чтобы каждая часть его въ теченіи опредѣленнаго періода времени необходимо была закончена, чтобы составлять твердую основу для дальнѣйшаго. Поэтому необходимо извѣстный планъ занятій, чтобы вся совокупность знаній была тщательно распредѣлена на классы такъ, чтобы предъидущее повсюду приготавливало и освѣщало путь послѣдующему,—время ученія должно быть съ точностію распредѣлено такъ, чтобы на каждый годъ, мѣсяцъ, день, на каждый часъ приходилось свое занятіе и эта непрерывность, постепенность и послѣдовательность занятій должна быть строго соблюдаема, чтобы не остановить и не извратить внутреннюю естественную послѣдовательность развитія ученика. Природа, начавши что либо, не останавливается до совершеннаго окончанія начатаго; она, не останавливаясь, постоянно идетъ впередъ, и никогда не переходитъ къ новому, не окончивъ прежняго, но начатое укрѣпляетъ, умножаетъ, совершенствуетъ. Подобно тому въ школѣ—весь курсъ учебныхъ занятій долженъ распредѣлиться такъ, чтобы позднѣйшее постоянно опиралось на предшествовавшее, предшествовавшее-же укрѣплялось бы позднѣйшимъ,—и

все представляло бы органическое единство, гдѣ каждая часть имѣеть полную отдѣльную законченность и въ тоже время живую связь со всѣмъ. Природа все соединяетъ постоянной связью. И образованіе должно быть распредѣлено такъ, чтобы занятія представляли *цѣльную энциклопедію*, въ которой все вытекаетъ изъ одного и того же корня, въ которой все занимаетъ свое мѣсто.

§ 16. Но скрѣплять и связывать все обученіе значитъ: *учить всему на основаніи причинъ*, т. е. указывать на причинную связь, взаимныя отношенія между причиной и дѣйствиємъ, на основанія предметовъ, чтобы не было мѣста ни сомнѣнію, ни забвенію преподаваемого. Природа не производитъ ничего безъ основанія, или безъ корня и пускаетъ корень въ глубь. Пока растеніе не пустило внизъ корней, оно не растетъ вверхъ: будь иначе, оно вскорѣ завяло бы и умерло. И чѣмъ глубже въ землю пускаетъ дерево свои корни, тѣмъ крѣпче стоитъ оно; если корни лежатъ подъ травой, вѣтеръ легко вырываетъ дерево. Подобнымъ образомъ прежде, чѣмъ начинать занятія, слѣдуетъ серьезно пробуждать въ ученикахъ любознательность, а *идея извѣстнаго предмета* (которая представляетъ не что иное, какъ самый общій очеркъ, обнимающій однако въ совокупности весь извѣстный предметъ) *должна быть основательно запечатлена въ умѣхъ учащихся прежде, чѣмъ приступать къ спеціальному разсмотрѣнію предмета*, дабы учащійся при самомъ началѣ занятій безошибочно обзрѣвалъ цѣли и границы, равно внутренней планъ занятій, что возможно только тогда, когда общая идея знанія вполне вѣрно понята учащимся и твердо укоренилась въ немъ. На этомъ, можно сказать, важнѣйшемъ законѣ воспитательнаго обученія Коменскій особенно настаиваетъ и отчетливо комментируетъ его, какъ бы предвидя возможность возраженія противъ него. Природа, говоритъ онъ, начинаетъ свою организацію съ общаго и кончаетъ частностями. Если она хочетъ вывести изъ яйца птицу, то образуетъ сначала не голову, или глазъ, или перо, или когти, но согрѣваетъ все содержимое яйца; далѣе возбуждая движеніемъ теплоту, она образуетъ во всемъ организмѣ жилы, чтобы обозначились основныя черты цѣлой птицы, именно то, что должно обратиться въ голову, ноги, крылья и пр.; и только тогда отдѣльныя части получаютъ свою окончательную организацію. Дѣйствуя такъ, природа выводитъ все изъ

началь, по объему незначительныхъ, но важныхъ по силѣ. То, изъ чего должна образоваться птица, концентрировано въ клѣточкѣ и окружено скорлупой, дабы удобно могло помѣщаться въ материнской утробѣ; однако, въ сущности въ этой клѣточкѣ заключается вся птица, ибо въ послѣдствіи изъ нея и изъ замкнутой въ ней возможности образуется все тѣло птички. Такъ и все дерево, какихъ бы размѣровъ оно ни достигло въ послѣдствіи, заключается въ зернѣ... Вопреки этому естественному закону развитія поступаютъ школы, когда учителя вмѣсто сѣмени сажаютъ тотчасъ растение, сообщая вмѣсто *основныхъ началъ* цѣлый хаосъ подробностей. А между тѣмъ, насколько достовѣрно, что цѣлый міръ образовался изъ немногихъ элементовъ, настолько вѣрно и то, что обучение основывается также на весьма немногихъ *началахъ*, изъ которыхъ вытекаетъ безчисленное множество выводимыхъ слѣдствій. Поэтому ошибочно съ самаго начала излагать науку въ подробностяхъ, не предпославъ напередъ элементарный общій очеркъ знанія, т. е. не предпославъ сперва начальныхъ основаній науки. Мнѣ припоминается, говорить о себѣ Коменскій, что когда мы приступили къ изученію діалектики, метафизики, насъ тотчасъ завалили пространнѣйшими правилами съ комментаріями и объясненіями на комментаріи, сличеніемъ и спорами авторовъ. Подобно тому преподавался и латинскій языкъ съ его неправильными формами, и греческій съ его діалектами, между тѣмъ, какъ мы, бѣдные мальчуганы, остались въ недоумѣніи, не понимая въ чемъ дѣло. Противъ этого зла—вотъ средство: съ самаго начала обученія должны быть заложены въ духъ учащихся *основанія для всего обученія*; т. е. распредѣленіе всего учебнаго матеріала должно быть сдѣлано такъ, чтобы послѣдующія занятія повидимому не приносили ничего новаго, а составляли бы только дальнѣйшее развитіе предъидущаго въ его частностяхъ. *Каждый языкъ, наука или искусство должны быть преподаваемы сначала только въ самыхъ простѣйшихъ началахъ*, дабы ученики приобрѣли о нихъ сначала цѣльное общее понятіе (*totalis idea*), затѣмъ уже должны быть сообщаемы имъ подробности (примѣры) и правила, потомъ слѣдуютъ полныя системы съ прибавленіемъ уклоненій отъ правилъ, наконецъ—комментаріи, только въ томъ случаѣ, если они необходимы. Ибо кто усвоитъ основную идею какойнибудь вещи, тотъ не будетъ имѣть нужды въ ком-

ментаріяхъ; вѣрнѣе, онъ будетъ въ состояніи самъ комментировать. И такъ каждое знаніе (наука) должно быть заключено въ возможно краткія и точныя правила.—Каждое правило должно быть выражено въ весьма не многосложныхъ, но ясныхъ словахъ. Каждое правило должно сопровождаться обильными примѣрами, дабы ихъ было достаточно для разнообразныхъ примѣненій правилъ.

Въ этихъ идеяхъ Коменскаго о необходимости начинать обученіе съ простѣйшихъ основаній какъ совокупности всего образованія, о постепенномъ и послѣдовательномъ расширеніи круговъ знанія изъ простыхъ элементовъ науки, или изъ первоначальнаго элементарнаго очерка (общей идеи) науки, какъ центра; о цѣлостности обученія, которая бы представляла весь учебный матеріалъ, какъ одну энциклопедію, примѣнительно къ каждому классу и возрасту, расширяющуюся концентрически, подобно тому, какъ дерево растетъ изъ года въ годъ однимъ и тѣмъ же образомъ, развиваясь изъ зерна по всѣмъ частямъ,—въ этихъ, говоримъ, идеяхъ педагогъ реформаторъ не только ясно поставилъ одну изъ важнѣйшихъ проблеммъ современной педагогики—о, такъ называемомъ, *концентрическомъ планѣ* преподаванія, но и величайшую задачу будущаго развитія, которая еще ждетъ своего рѣшенія, потому что современная педагогика почти ничего еще не сдѣлала для ея осуществленія. Геніальная идея Коменскаго о *педагогической общей энциклопедіи* чловѣческихъ знаній, которая, концентрически раскрываясь, соответствовала бы системѣ школь, идея *пансофіи* (всеобъемлющаго знанія), по выраженію Коменскаго, указываетъ на необходимость *педагогической переработки* отдѣльныхъ наукъ, на необходимость втораго рожденія ихъ *отъ идеи воспитанія*, какъ первое рожденіе онѣ уже получили *отъ идеи знанія*. Идея педагогической энциклопедіи съ необходимостію вытекаетъ изъ самой идеи воспитательнаго обученія, которое своимъ единствомъ, гармоніей, цѣлостію и сосредоточенностію свѣдѣній должно соответствовать идеѣ самаго *разума*, который по природѣ стремится къ цѣлности и единству міросозерцанія и самъ въ своей сущности есть гармонія и цѣлостность духовныхъ силъ чловѣка.

§ 17. Такая организація знанія, постепенно расширяющагося изъ простыхъ элементовъ до универсальнаго образованія, имѣтъ

своимъ условіемъ *самодѣятельность* учащагося, которая есть корень и вмѣстѣ вершина всего интеллектуальнаго развитія чело-вѣка: все изъ самодѣятельности и все для самодѣятельности, тотъ законъ духовнаго развитія, на которомъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается Коменскій въ своей дидактикѣ и на которомъ никогда нельзя съ достаточною силою настаивать въ педагогикѣ. *Природа выводитъ все изъ корня, а не изъ чего либо другого.* Школы же, пишетъ Коменскій, до сихъ поръ не заботились о томъ, чтобы умы учениковъ, подобно молодымъ деревьямъ, развивались изъ собственнаго корня, они учили навѣшивать на себя собранныя съ разныхъ деревьевъ вѣтки, и такъ обр. подобно Езоповой воронѣ украшать себя чужими перьями; школы не только не трудились раскрывать скрытый въ ученикахъ источникъ разумнія, но торопились его наполнить водою изъ чужихъ ручьевъ. Это значитъ; школа объясняла не самыя вещи, каковы онѣ сами по себѣ, но лишь, то, что о томъ или другомъ предметѣ думаетъ первый, второй, третій, десятый, лишь бы имѣть видъ большой учености, знать о многомъ разнорѣчивыя мнѣнія многихъ. Отсюда получался тотъ результатъ, что большая часть учителей занималась только тѣмъ, что перелистывая и перевертывая писателей, выдергивала изъ нихъ мнѣнія и набирала массу оборотовъ, фразъ, взглядовъ, составляя такимъ образомъ „науку“, какъ халать изъ лоскутковъ. Къ нимъ-то обращается Горацій, говоря: о подражатели, рабочій скоть! „Подлинно скоть, привыкшій носить только чужія тяжести!—Видѣть чужими глазами, постигать предметы чужимъ умомъ—этотъ общій способъ обученія по всѣмъ отраслямъ занятій, научающій не открывать *самостоятельно источники* знаній, а выводить изъ нихъ различныя *ручейки* и требующій восхожденія по нимъ до источника. Но никакіе лексиконы не научаютъ говорить, не только понимать рѣчь, грамматика не учитъ создавать языкъ, но только разлагать его. Почти никто доселѣ не учитъ физикъ нагляднымъ путемъ, посредствомъ наблюденія и опыта. Нравственность никто не образуетъ путемъ улучшенія чувствованій, но созидаютъ чисто внѣшними объясненіями и раздѣленіями добродѣтелей, чѣмъ затемняютъ дѣло. Въ этомъ заблужденіи и дѣйствительно кроется причина столь медленныхъ успѣховъ науки. Ибо ученость многихъ, если не большей части ограничивается

чистою номенклатурою, образованіе ни у кого не становится однимъ общимъ знаніемъ, которое бы само себя поддерживало, укрѣпляло и распространяло; но представляетъ обыкновенно нѣчто въ родѣ компіляціи, составленной изъ разнородныхъ лоскутковъ, нигдѣ порядочно не скрѣпленныхъ между собою, — компіляціи, не приносящей сколько нибудь прочнаго плода. Ибо что пользы, если въ сужденіяхъ объ извѣстныхъ вещахъ руководствоваться мнѣніями различныхъ людей, тогда какъ требуется точное познаніе вещей? Если мы будемъ держаться цѣли крѣпко и вѣрно, то зачѣмъ намъ не стремиться къ ней прямымъ путемъ, а плестись за другими, зачѣмъ охотнѣе употреблять чужіе глаза, чѣмъ свои собственные? Люди должны быть настолько образованы, чтобъ быть въ состояніи, по возможности, почерпать дѣйствія, познанія не изъ книгъ, но изъ неба и земли, изъ дубовъ и буковъ, т. е. должны учиться познавать и излѣдовать *самыя вещи*, а не только изучать чужія наблюденія и свидѣтельства о вещахъ. И такъ слѣдуетъ поставить закономъ: *все должно выводиться изъ неизблѣмыхъ началъ вещей и ничему не должно уচিতъ на основаніи только авторитета, но все должно сообщать путемъ чувственного воспріятія и на основаніи самостоятельнаго изслѣдованія разума.*

Но возникая, развиваясь и укрѣпляясь во внутреннемъ корнѣ разумнія (in intelligentiae radice), образованіе должно выходить наружу — въ сучья и вѣтви, — т. е. *чтобы то, что сообщается для развитія разумнія, въ тоже время высказывалось и практически выполнялось*, чтобы ученики научились приводить въ исполненіе изученное, — послѣдній принципъ обученія, требующій, чтобы созерцательная жизнь воспитанника находилась въ равновѣсіи и гармоніи съ практическою, чтобы образованіе не ограничивалось умственнымъ созерцаніемъ, но переходило въ дѣятельное творчество, заканчивалось практическимъ примѣненіемъ къ дѣлу, жизни. Природа, говоритъ Коменскій, сохраняетъ соразмѣрность между корнемъ и сучьями, сохраняя количественность и качественность отношеній между внутреннимъ и вѣшнимъ, и она не производитъ ничего, что не могло бы имѣть вскорѣ полезнаго примѣненія. И обученіе должно имѣть тотчасъ полезное примѣненіе на практикѣ. И такъ *все, что воспринимается, должно*

быть изучаемо, въ силу соображенія, какую пользу принесетъ приобретаемое знаніе, дабы не учить чего нибудь напрасно. Что воспринято, то должно передаваться сообщеніемъ отъ одного къ другому, дабы не знать чего либо бесполезно. Твое знаніе ничтожно, если никто не знаетъ, что ты знаешь. И обученіе для ученика будетъ гораздо легче, если, обучая его чему нибудь, показываютъ въ тоже время, какую пользу можетъ приносить изучаемое въ практической жизни. Если этого не дѣлать, то вещи, о которыхъ учитель будетъ говорить, покажутся ребенку чудовищами, пришедшими изъ невѣдомаго міра. Ученикъ не знаетъ, существуютъ ли въ дѣйствительности эти предметы и какъ они сдѣланы. Покажи ему ихъ, дай ему въ руки, чтобъ дѣйствительно узналъ онъ то, о чемъ ему говорятъ, и самъ научился дѣйствовать. Нужно учить не только *понимать* вещи, но и понятое выполнять и примѣнять къ дѣлу. Ученикъ долженъ умѣть выражать то, что знаетъ, равно какъ и понимать то, что выражаетъ. Рѣчь и знаніе должны идти рука объ руку. Необходимо, чтобы ученикъ не только ясно понималъ какую пользу принесетъ приобретенное имъ знаніе, но чтобы все понятое имъ могъ передавать другимъ. Коменскій считаетъ передачу, сообщеніе другимъ того, что усвоено ученикомъ, окончательнымъ моментомъ обученія и приписываетъ этому чрезвычайно важное дидактическое значеніе. Весь учебный процессъ онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „многое спрашивать, спрошенное усвоить, усвоенное сообщать (*multa rogare, rogata tenere, retenta docere*)” Первые двѣ ступени изысканы въ школахъ, третья еще недостаточно практикуется; но было бы въ высшей степени полезно, если бы она была введена. Ибо справедливо сказано: кто обучаетъ другихъ, тотъ обучаетъ самъ себя, “не только потому что повтореніемъ воспринятаго укрѣпляетъ въ себѣ знаніе, но и потому что находить побужденіе вникать глубже въ дѣло.

§ 18. Изъ духа основныхъ законовъ воспитательнаго обученія, которые составляютъ прямую параллель, или выводъ естественныхъ законовъ духовнаго развитія, законовъ общихъ всему развивающемуся въ природѣ, — опредѣляется уже самый характеръ педагогическаго метода, который у Коменскаго и называется *естественнымъ* (*naturalis*) способомъ обученія, т. е. сообразнымъ съ естественнымъ процессомъ внутренняго самопроизвольнаго развитія духа.

Но Коменскому принадлежить не только философская формула идеи педагогического метода, но и самое точное опредѣленіе и полное раскрытіе педагогического метода въ отличіе отъ метода научнаго, словомъ, ему принадлежить созданіе общей методикѣ обученія, или, по его выраженію, памметодологіи.

До какой степени идея педагогического метода смутно и неопредѣленно понималась до Коменскаго, это лучше всего видно изъ словъ Бэкона, который однако же смѣшиваетъ методъ учебный, педагогическій, субъективный съ методомъ ученымъ, объективнымъ. Нападая на неестественный способъ ученія, который состоялъ въ обученіи исключительно языкамъ—словамъ, а не вещамъ, Бэконъ чувствуетъ различіе между научнымъ изслѣдованіемъ и педагогическимъ обученіемъ и ихъ методами, изъ которыхъ одинъ, по его выраженію, идетъ отъ легкаго къ трудному, а другой отъ труднаго къ легкому („тамъ плаваютъ на пузыряхъ, здѣсь—танцуютъ въ тяжелыхъ башмакахъ“), но опредѣляетъ учебный методъ такими признаками, которые показываютъ, какъ мало уяснилъ себѣ идею педагогического метода этотъ творецъ научнаго метода. „Метода обученія, говоритъ онъ, должна быть сообразна съ предметами: нельзя кроить всего по одной и тойже мѣркѣ. Но есть стороны, въ которыхъ метода должна быть одна и таже, какъ научная, такъ и учебная. Эта метода состоитъ въ томъ, что преподаватель вводитъ ученика въ науку тѣмъ же путемъ, какимъ дошелъ до нея самъ.“ Коменскій, вполне сознавая единство педагогического метода и настойчиво требуя въ обученіи на всѣхъ ступеняхъ его и по всѣмъ предметамъ примѣненія одного и того же метода (универсальной методы), видитъ по этому самому въ педагогическомъ методѣ совершенный контрастъ научному методу. Ученый методъ долженъ сообразоваться съ предметомъ и его объективными условиями, педагогическій на оборотъ исключительно съ законами и порядкомъ развитія личности ученика. Отсюда первый—объективный способъ изслѣдованія, послѣдній—чисто субъективный способъ возбужденія. „Для всѣхъ наукъ, равно какъ для искусствъ и языковъ имѣется и существуетъ одна только метода, такъ какъ законы развитія человеческой природы одни и тѣже. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ предметы знанія и умѣнья, какъ предметы обученія, должны имѣть

одну и ту же *естественную*, т. е. обусловливаемую природными способностями и успѣхами развитія учениковъ, методу. Различіе предметовъ относительно ихъ усвоенія, равно какъ и отклоненіе въ методахъ не настолько значительны, чтобы требовали новыхъ, особенныхъ видовъ методы. Природа все производитъ, сохраняя единство формы. Какъ происходитъ образованіе одной птицы, также точно всѣхъ остальныхъ,—одинаково даже образованіе всѣхъ живыхъ существъ. И въ растеніяхъ, какъ одна трава происходитъ изъ сѣмени, какъ одно дерево сѣется, пускаетъ листья, цвѣтетъ, такъ и всѣ остальные повсюду, всегда. Какъ устроенъ одинъ листъ на деревѣ, такъ устроены и всѣ остальные, и каковы они въ одномъ году, таковы и въ слѣдующемъ, таковы и всегда. Въ школахъ же не только различные учителя преподаютъ науки различнымъ образомъ, но одинъ и тотъ же учитель преподаетъ различно. Эта *перемѣна методы*, говоритъ Коменскій, *сбиваетъ юношество* и прямо поселяетъ въ немъ отвращеніе къ занятіямъ. Поэтому необходимо, чтобы *одна и та же метода существовала для преподаванія всѣхъ наукъ, искусствъ и языковъ*. Изъ сопоставленія воззрѣній Бэкона и Коменскаго очевидно, что если Бэкону приписывается слава яснаго и отчетливаго опредѣленія научнаго метода *на идею знанія*, то Коменскому принадлежитъ неотъемлемая слава истолкованія учебно-педагогическаго метода *по идею воспитанія чловѣка*. Ни въ какомъ предметѣ, говоритъ Коменскій, не должна быть примѣняема метода, исключительно аналитическая. Совершеннѣйшее обученіе состоитъ изъ синтеза и анализа вмѣстѣ, или синкриза. Части всякаго предмета познаются посредствомъ разложенія (анализа), сложенія (синтеза) и соотношенія съ другими. Отсюда слѣдуетъ, что для полнаго познанія предмета существуетъ три приѣма или способа: разлагательный, слагательный и сравнительный или соотносительный, которые по гречески назовемъ: анализомъ, синтезомъ и синкризомъ.“ Анализъ идетъ отъ цѣлаго, слитнаго къ частямъ, простѣйшимъ элементамъ цѣлаго (напр. отъ цѣлой связной рѣчи къ элементамъ слова—звукамъ); синтезъ отъ простыхъ элементовъ къ ихъ цѣлому (напр. отъ звуковъ—къ слову и сложной рѣчи); синкризъ указываетъ взаимное отношеніе и сравненіе элементовъ въ ихъ органической сложности, цѣлостности. Поэтому для Коменскаго служить педагогической аксіомой, чтобы при обученіи части всякой вещи сперва

подвергались анализу, потомъ синтезу и, наконецъ, синкризу, который даетъ знаніе предмета полное и законченное, или лучше, соединеніе этихъ способовъ обусловливаетъ, по выраженію Коменскаго, самое точное знаніе предметовъ.“ *Реальный* принципъ Коменскаго былъ тотъ же, что у Бэкона, съ идеями котораго нашъ педагогъ былъ основательно знакомъ и вполне конгеніаленъ, сознавая при этомъ, что Бэконъ ничего не сдѣлалъ для примѣненія своихъ началъ къ дѣлу науки вообще и въ особенности—науки воспитанія.

§ 19. Изложивъ идеи Коменскаго о главныхъ приѣмахъ педагогическаго метода, мы теперь приступаемъ къ тому верховному принципу методическаго обученія, который Песталотци признавалъ за свою единственную существенную для дидактики заслугу, именно къ великому началу *наглядности*, какъ безусловному основанію всякаго знанія. Великая дидактика Коменскаго не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что не только впервые постигъ ясно, но философски обосновалъ, точно и обстоятельно истолковалъ, и, какъ увидимъ, систематически разработалъ и примѣнилъ къ жизни школы это начало, эту основу всей новѣйшей педагогики—все тотъ же истинно творческій гений славянскаго педагога.

„*Познаніе вещей* (наука) есть не что иное, какъ внутреннее *созерцаніе вещей* и пріобрѣтается съ помощію тѣхъ же средствъ, какъ и внѣшнее созерцаніе, именно при посредствѣ *глаза, предмета* и *свѣта*.“ Во внутреннемъ созерцаніи *глазъ* есть *умъ, предметъ*,—все сущее внутри и внѣ ума, а свѣтъ—*вниманіе*. И такъ прежде всего должно заботиться, чтобы око ума было чистымъ зеркаломъ, способнымъ вѣрно отражать предметы, достойные изученія и дѣйствительно полезныя. Но хорошее отраженіе въ зеркалѣ обусловливается *явственностію предметовъ*. Легкій туманъ слабо отражается въ зеркалѣ, а какихъ вещей совѣмъ нѣтъ на лицо, тѣхъ совѣмъ невидно. Поэтому юношеству при обученіи должно предлагать не легкія тѣни вещей, а самые *предметы*, какъ они есть въ дѣйствительности, чтобы возбуждать чувства и воображеніе. И такъ пусть будетъ *золотымъ правиломъ* для школы: „*все должно быть представляемо внѣшнимъ чув-*

ствамъ, насколько оно возможно,—именно: видимое—зрѣнію, слышимое—слуху, обоняемое обонянію, осязаемое—осязанію и вкушаемое—вкусу; если же что вибудь можетъ быть воспринято одновременно нѣсколькими чувствами, то и представляй этотъ предметъ одновременно нѣсколькимъ чувствамъ.“ Едва ли въ педагогикѣ найдется болѣе простая, ясная и точная формула *начала наглядности*. Но Коменскій не только впервые такъ превосходно формулировалъ идею метода наглядности, *какъ всеобщаго основанія знанія*,—но и обосновалъ эту идею на глубоко-философскихъ психологическихъ и гносеологическихъ началахъ. Во первыхъ начало познанія исходитъ всегда отъ виѣшнихъ чувствъ; ибо ничего нѣтъ въ нашемъ познаніи, чего прежде не было въ нашемъ чувственномъ воспріятіи. Слѣдовательно и начало обученія должно также начинаться не съ словеснаго перечисленія предметовъ, *но съ созерцанія самыхъ предметовъ*. Только, когда вещь—на лицо, пусть приступаютъ къ рѣчи объ ней. Во вторыхъ, истина и достовѣрность познанія основывается ни на чемъ другомъ, какъ на свидѣтельствѣ виѣшнихъ чувствъ. Я довѣряю только тому основному положенію, которое можетъ быть доказано индуктивно, приведеніемъ фактовъ, достовѣрность которыхъ утверждается на виѣшнихъ чувствахъ; ибо чувственное воспріятіе первоначально и непосредственно: вещи прежде и непосредственно запечатлѣваются въ чувствахъ, а потомъ уже представляются въ умѣ; поэтому достовѣрность чувственного воспріятія въ немъ самомъ, между тѣмъ какъ достовѣрность заключеній и посторонняго свидѣтельства въ концѣ концовъ опирается на чувства же. Слѣдовательно, чтобы виѣдрить въ учащихся познаніе, какъ твердое и достовѣрное убѣжденіе, *безусловно необходимо—преподавать все посредствомъ собственнаго наблюденія чувственной наглядности*. Въ третьихъ, виѣшнее чувство есть надежнѣйшій руководитель памяти. Отсюда чувственная наглядность обусловливаетъ живость, силу и крѣпость знанія. Если я отвѣдалъ хотя однажды сахара, видѣлъ однажды верблюда и т. п., то эти воспріятія удержатся крѣпко въ памяти и не могутъ исчезнуть изъ нея. Потому же самому дѣти легко и живо запечатлѣваютъ въ памяти съ картинъ библейскія и другія исторіи. Точно такъ, кто присутствовалъ при разсѣченіи человѣческаго тѣла и внимательно присматривался къ нему, тотъ пойметъ и узнаетъ болѣе, чѣмъ если бы прочиталъ о томъ под-

робнѣйшія руководства безъ чувственнаго воззрѣнія. *Наглядное воззрѣніе служитъ за объясненіе.*

Когда не имѣется подъ руками самихъ вещей, тогда, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ замѣнять ихъ картинами, моделями, рисунками. Такъ, *напр.* Коменскій считаетъ необходимымъ въ каждой школѣ имѣть скелеты изъ человѣческихъ костей, или даже изъ дерева, но чтобы они окружались приготовленными изъ коры и наполненными шерстью мускулами, нервами и артеріями съ присоединеніемъ легкихъ, сердца, печени, желудка и прочихъ внутренностей, при чемъ они находились бы въ надлежащемъ порядкѣ и соотношеніи. По такой модели, говоритъ Коменскій, ученикъ, при помощи объясненій учителя, почти играючи понялъ бы и узналъ строеніе и отправленіе каждой части своего тѣла. Подобные, доступные непосредственному воззрѣнію препараты слѣдовало бы приготовить по всемъ изучаемымъ предметамъ, такъ чтобы они всегда были подъ рукою въ школѣ. Если бы возникло сомнѣніе въ возможности представить наглядно все и духовное, и невидимое, и отсутствующее, то пусть, говоритъ Коменскій, не забываютъ, что все устроено въ такой гармоніи, что высшее можетъ найти выраженіе въ низшемъ, отсутствующее объяснено присутствующимъ, невидимое—видимымъ. Такъ обр. все можетъ быть доведено до наглядности. Необходимый при этомъ *свѣтъ*,—какъ условіе наглядности, безъ котораго напрасно представлять предметы глазу,— есть *вниманіе*, съ помощью котораго обучающійся воспринимаетъ все своимъ напряженнымъ и какъ бы рождающимъ духомъ. У кого нѣтъ этого свѣта, у того все исчезаетъ изъ глазъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и изъ ума, подобно тому, какъ человѣкъ съ закрытыми глазами, или при отсутствіи свѣта ничего не видитъ, хотя бы вещь поднесена была совсѣмъ близко къ глазамъ. И такъ возбужденіе вниманія, чтобы учащійся все воспринималъ любознательнымъ духомъ, есть первое условіе обученія.

§ 20. Идеи Коменскаго о цѣлостности, гармоніи и полнотѣ воспитательнаго обученія, какъ педагогической энциклопедіи, идея о единствѣ педагогическаго метода, сообразующагося съ развитіемъ личности воспитанника и возводящаго все разнообразіе знаній и умѣній къ единству цѣли воспитанія, естественно и послѣдовательно привели Коменскаго къ идеѣ такъ называемой *унитарной*

или классной системы преподаванія, рациональность которой только въ послѣднее время все болѣе и болѣе признается педагогами, да и то далеко не всѣми, потому что не многими сознаются тѣ всеобъемлющія педагогическія идеи, которыя вызываютъ необходимость этой системы и которыя съ такимъ глубокимъ пониманіемъ ихъ основаній и вѣрнымъ указаніемъ средствъ для ихъ осуществленія высказаны Коменскимъ за двѣсти слишкомъ лѣтъ прежде, чѣмъ эта педагогическая проблема стала интересовать современную педагогику. Глубоко сознавая недостатки современной ему системы преподаванія, которые состояли въ безсвязности и разбѣденіи того, что связано природою, (тамъ, говорить Коменскій, учать одному чтенію, одному письму, между тѣмъ какъ чтеніе и письмо, слова и вещи, знаніе и искусство должны совершаться вмѣстѣ),—въ неполномъ, отрывочномъ преподаваніи науки и искусства,—въ недостаткѣ единства метода, который различается въ каждой школѣ и въ каждомъ предметѣ,—въ неумѣннѣ занимать учащихся одновременно разнообразными занятіями, которыя при этомъ составляли бы живое единство, Коменскій указываетъ, какъ на вѣрнѣйшее и дѣйствительнѣйшее лѣкарство противъ этихъ болѣзней, (которыми страдаютъ школы и въ наше время не менѣе) единство преподаванія различныхъ предметовъ, сосредоточеннаго въ одной личности преподавателя и въ одномъ методѣ преподаванія, т. е. чтобы каждая школа или классъ имѣли только одного учителя. Коменскій объясняетъ свою мысль слѣдующимъ великолѣпнымъ сравненіемъ. „Мы должны взять себѣ въ примѣръ солнце и наблюдая методъ солнца, его образъ дѣйствія отнести это къ способамъ дѣйствія школы. Солнце не занимается отдѣльнымъ предметомъ: ни деревомъ, ни животнымъ, оно все освѣщаетъ, даетъ всему жизнь, теплоту, силу отъ элементовъ до высшихъ органическихъ формъ. Оно освѣщаетъ все одними и тѣми же лучами, въ одно и то же время оно вездѣ, гдѣ даетъ начало веснѣ, лѣту, осени и зимѣ, заставляя все распускаться, цвѣсти и приносить плоды свойственные, конечно, природѣ cadaго. Оно соблюдаетъ постоянно одинъ и тотъ же порядокъ, производя все, что должно, въ одно время: древесину, кору и сердцевину, цвѣты и листья, плоды и сѣмена,—но производя все въ известной послѣдовательности и связи, такъ что одно другому пролагаетъ путь, одно къ другому подготавливаетъ. То будетъ ис-

тиннымъ подраженіемъ солнцу, когда каждая школа или классъ будетъ имѣть только одного учителя, который одно и тоже дѣло, будетъ примѣнять къ цѣлому классу, преподавая всѣ науки и искусства однимъ и тѣмъ же способомъ, соединяя все сродное и находящееся въ естественной связи, соблюдая во всемъ естественную постепенность и внутреннюю послѣдовательность, чтобы сегодняшнимъ укрѣпить вчерашнее и продолжить путь для завтрашняго. Едва-ли кто изъ современныхъ поборниковъ унитарной системы преподаванія могъ глубже понимать и лучше выразить идею, лежащую въ основѣ этой системы.

Коменскій не ограничивается только постановкою задачи классной системы обученія, но и предлагаетъ полную систему правилъ успешнаго веденія дѣла по этой системѣ. Указывая общіе приемы и формы организаціи класнаго преподаванія, сосредоточеннаго въ одномъ учителѣ, Коменскій указываетъ на необходимость раздѣлить классъ на отдѣленія, или группы (десятки) по степени умственного развитія учениковъ и ввести взаимное обученіе—приемъ естественно вытекавшій изъ основныхъ законовъ воспитанія, крайность и антипедагогическое примѣненіе котораго принадлежитъ дѣйствительно Ланкастеру, но открытіе и указаніе въ немъ истинно-педагогическаго значенія сдѣлано все имъ же, славянскимъ педагогомъ—Коменскимъ. Учитель непосредственно наблюдая за всѣми и руководя всѣми, никогда не обучаетъ учениковъ по одному, какъ-бы занятый травлею отдѣльныхъ личностей, но одновременно и за-разъ всѣхъ, онъ долженъ быть солнцемъ. Чтобы всѣмъ доставить свѣтъ и жизнь, онъ долженъ поддерживать вниманіе—этотъ свѣтъ ума—во всѣхъ ученикахъ.

Величайшее дѣло обученія—возбужденіе и культура вниманія—и это первая и главнѣйшая обязанность учителя, которую онъ можетъ выполнить, когда старается сообщать всегда что либо новое, интересующее и полезное, когда при этомъ не ограничивается простою передачею свѣдѣній памяти учениковъ, но возбуждаетъ въ нихъ самодѣятельность мысли посредствомъ наводящихъ вопросовъ (эвристическая и сократическая форма преподаванія),—когда все сообщаемое представляется по возможности *наглядно* (форма деиктическая), когда по временамъ для возбужденія учениковъ, прерывая свою рѣчь, говоритъ: „ты, или ты,

повторите, что я сейчас сказал? Вы скажите по поводу чего мы дошли до этого?" Или подобное тому, смотря по тому, на какой степени знаний стоит классъ,—когда, по окончаніи урока представляетъ ученикамъ самимъ спрашивать о томъ, о чемъ они желаютъ получить поясненіе, Такимъ образомъ, упражняя вниманіе и возбуждая самодѣятельность и любознательность въ ученикахъ, учитель дѣйствительно воспитаетъ въ нихъ привычку приниматься за все съ надлежащимъ присутствіемъ духа, съ самодѣятельною энергіею, не выжидая поощреній и подталкиваній. При всемъ искусствѣ, съ которымъ учитель долженъ помогать умственному развитію учениковъ, для послѣднихъ нужны учебныя пособия, учебныя руководства. Коменскій понималъ всю важность цѣлесообразно составленныхъ учебныхъ руководствъ. Каждый классъ долженъ имѣть свое отлично и цѣлесообразно составленное руководство, которое ученики съ учителемъ должны исчерпать и переработать мыслью. Коменскій опредѣляетъ какъ содержаніе, педагогически расположенное и примѣненное къ образовательнымъ цѣлямъ, такъ и форму изложенія, соответствующую естественному процессу развитія воспитанниковъ. Толстыя книги и многословіе мало помогаютъ развитію. Человѣкъ—микрокосмъ, содержащій въ себѣ все, и необходимо только освѣщеніе этого малаго міра. Для этого нѣтъ до тѣхъ поръ одного свѣтоваго луча. Коменскій, сообразно основнымъ педагогическимъ законамъ, полагалъ, что въ учебникахъ должны излагаться основныя начала, простѣйшіе элементы науки или искусства, изъ которыхъ все остальное (спеціальное и подробное, частное) выводится, къ которымъ все примыкаетъ. Содержа только кратчайшее, такія руководства, по идеѣ Коменскаго, все таки должны содержать полное міровѣдѣніе или вещьвѣдѣніе въ доступной каждому формѣ (педагогическая энциклопедія). Лучшею же формою изложенія Коменскій признаетъ диалогическую, разговорную, (катихетика), какъ самую живую и естественную, ибо нѣтъ ничего болѣе естественнаго и искреннаго, какъ разговоръ, который возбуждаетъ, оживляетъ и усиливаетъ вниманіе именно посредствомъ обмена вопросовъ и отвѣтовъ.

Настаивая на единствѣ порядка преподаванія, сосредоточеннаго въ одномъ учителѣ по всемъ предметамъ извѣстнаго класса,

Коменскій далекъ отъ того однообразія классныхъ занятій, которое наводитъ скуку и ведетъ къ односторонности, переходя въ исключительность и разьединенность, отрывочность. Согласно съ основнымъ принципомъ цѣлостности и энциклопедической полноты обученія, Коменскій требуетъ чтобы образованіе юншества было такъ устроено, чтобы каждая работа приносила болѣе, чѣмъ одинъ плодъ. Общій законъ этого способа онъ выражаетъ такъ: всегда и вездѣ относительное должно разсматриваться съ своимъ соотносительнымъ, напр. слово и вещь, чтеніе и письмо, упражненіе въ слогѣ съ упражненіемъ въ мышленіи, обученіе и ученіе, веселое и серьезное. И такъ когда бы и какому бы языку не учили, хотя бы даже своему родному, должно показывать вещи, обозначаемыя словами, и наоборотъ, ученики должны быть научаемы выражать въ словахъ то, что они видятъ, слышатъ, осязаютъ, вкушаютъ, чтобы языкъ постоянно развивался параллельно съ разсудкомъ. *На сколько кто понимаетъ, на столько онъ долженъ уметь говорить, или наоборотъ, кто что говоритъ, то онъ долженъ понимать.* Кто не можетъ выразить своихъ мыслей, тотъ подобенъ статуѣ; а кто болтаетъ безъ разумѣнія, тотъ попугай. И такъ рѣчь и вещи, вещи и рѣчь должны идти равнымъ шагомъ. Точно также упражненія въ чтеніи и письмѣ должны имѣть общую связь въ изящно обработанномъ руководствѣ. Ибо для учениковъ, обучающихся азбукѣ, едвали можетъ быть придумано болѣе дѣйствительное побужденіе и болѣе сильная приманка, какъ если заставляютъ ихъ изучать буквы посредствомъ написанія ихъ. Желаніе чертить и рисовать почти прирождено дѣтямъ, а потому упражненіе это доставляетъ имъ удовольствіе, да и сила воображенія живѣе возбуждается дѣйствиємъ двухъ чувствъ. Когда потомъ они будутъ упражняться въ болѣе бѣгломъ чтеніи, то пусть выбираются такія статьи, которыя должны быть изучаемы ими въ послѣдствіи, напр. такія, которыя сообщаютъ познаніе природы, правила морали, благочестія. Такое въ высшей степени полезное содержаніе должно быть распространено на всю область учебныхъ занятій. Такъ въ слогѣ должно упражнять на одномъ и томъ же предметѣ науки или искусства, на которомъ въ этомъ классѣ упражняется и умъ, — задавая ученикамъ или извлеченіе, или опыты въ подражаніи, такъ что одною и тою-же работою упражняется и слогъ и умъ, при чемъ все это передается

собственною рѣчью.—Очевидно, что всѣ улучшения современной методики элементарнаго обучения суть примѣненія этихъ идей всеобъемлющаго генія Коменскаго.

(Продолженіе впрѣдъ).

Объявленіе.

Объ изданіи новаго иллюстрированнаго журнала

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“.

Съ 1-го сентября текущаго 1885 года будетъ выходить въ свѣтъ, еженедѣльными выпусками, новое иллюстрированное изданіе, подъ названіемъ «Русскій паломникъ».

Программа его слѣдующая:

I. Литературный отдѣлъ:

- 1) Путешествія ко св. мѣстамъ Палестины.
- 2) Путешествія къ русскимъ и заграничнымъ святынямъ.
- 3) Описаніе православныхъ обителей и храмовъ.
- 4) Описаніе церковныхъ древностей.
- 5) Историко-этнографическіе очерки.
- 6) Жизнеописанія знаменитыхъ подвижниковъ и дѣятелей во всѣ времена историческаго бытія православной церкви.
- 7) Біографическіе очерки современныхъ дѣятелей на поприщѣ религіозно-правственнаго просвѣщенія, проповѣди Слова Божія, миссіонерства, богословской науки и благотворительности.
- 8) Разсказы и повѣствованія религіозно-правственнаго содержанія.

9) Факты и явленія религиозно-нравственной и патриотической жизни русскаго народа.

10) Очерки изъ религиозной жизни иновѣрныхъ народовъ и сектантовъ.

II. Иллюстраціи.

1) Изображенія св. мѣстъ, обителей и храмовъ, отечественныхъ и заграничныхъ.

2) Изображенія св. мужей и женъ церковно-христіанской древности.

3) Портреты преосвященныхъ архипастырей и выдающихся пастырей православной церкви, равно какъ тружениковъ на всѣхъ поприщахъ христіанской жизни и дѣятельности, какъ-то: проповѣдниковъ, миссіонеровъ, духовныхъ писателей, дѣятелей духовной науки, руководителей образованіемъ духовнаго юношества, просвѣтителей народа и т. д.

4) Снимки съ художественныхъ произведеній знаменитыхъ мастеровъ христіанскаго искусства русскихъ и иностранныхъ.

5) Снимки съ изображеній священной старины, копии съ древнихъ рукописей и книгъ.

III. Извѣщенія, объявленія и отдѣльныя приложенія къ журналу.

Изданіемъ «Русскаго паломника» мы предполагаемъ, съ одной стороны, заполнить существующій въ области иллюстрированныхъ изданій пробѣлъ, такъ какъ въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, которое бы постоянно и систематически представляло описаніе и художественное изображеніе предметовъ, дорогихъ для христіанина и удовлетворяющихъ его нравственно-религиозному чувству,—съ другой, дать сколько полезное въ образовательномъ смыслѣ, столько-же и назидательное чтеніе для всѣхъ вообще любителей духовнаго просвѣщенія, для

благочестивыхъ русскихъ семействъ, для православнаго русскаго духовенства и наконецъ для учебныхъ заведеній среднихъ и низшихъ, съ православно-русскимъ характеромъ, включая сюда вновь открываемыя церковно-приходскія школы.

Просимъ лицъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи изображенія предметовъ, входящихъ въ программу «Русскаго паломника», и портреты перечисленныхъ въ ней лицъ, фотографическіе и иные, не оставить редакцію сообщеніемъ ихъ, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими описаніями.

Подписка открыта пока только на четыре мѣсяца, съ 1-го сентября по 31-е декабря текущаго 1885 года. Подписная цѣна два рубля, съ доставкою и пересылкою.

Адресъ редакціи «Русскаго паломника»: С.-Петербургъ Троицкій переулокъ, домъ № 3.

Редакторъ-издатель А. И. Поповицкій.

Вышли изъ печати двѣ книжки, подъ названіемъ: «Самоучитель Закона Божія для сельскихъ прихожанъ и для сельскихъ школъ, второй и третій отдѣлы», Священника Никифора Востокова.

Трудъ о. Востокова, какъ сказано въ Указѣ Самарской Консисторіи, по отзыву рецензента, которому поручалъ Самарскій Владыка рассмотреть трудъ этотъ, «можетъ быть прекраснымъ руководствомъ какъ для законоучителей сельскихъ и городскихъ начальныхъ школъ, такъ и для сельскихъ и городскихъ приходскихъ священниковъ». По отзыву рецензента, «бесѣды о. Востокова, по полнотѣ и подробности

историческихъ разсказовъ, вполне пригодны какъ для учениковъ, такъ и для прихожанъ. Для прихожанъ въ бесѣдахъ сообщается все необходимое, что нужно знать каждому христіанину. Изложеніе у автора вездѣ простое, живое и увлекательное.

Четвертый отдѣлъ печатается. Первый отдѣлъ вышелъ весь и будетъ печататься вторымъ изданіемъ послѣ Св. Пасхи.

Цѣна второму отдѣлу 40 коп., третьему отдѣлу 25 коп.

Складъ книгъ въ Саратовѣ въ типографіи Иценокъ у автора, въ селѣ Миновкѣ, Новоузенскаго уѣзда.

Редакторъ, Протоіерей Н. Марновъ.

Печ. дозв.: Цензоръ, Каѳедральный Протоіерей Григорій Діаконовъ. 30 Іюля 1885 года. Черниговъ. Губернская Типографія.